

«Борзый»

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Иван Лозовский (Lozowid)

18+

Иван Лозовский

Борзый

«Автор»

2026

Лозовский И. (.

Борзый / И. (. Лозовский — «Автор», 2026

Русско-японская война 1904-1905 годов до настоящего момента является незаживающей раной в душе русского народа, и пока эта рана не заживет, будут виртуальные попытки переиграть историю этой войны, пусть и в вымышленном мире, и в виде книги. История слишком инертна, и одного человека для коренного поворота истории недостаточно. Поэтому – группа попаданцев из нашего времени, с его цинизмом и жестокостью, без «принятых» в те времена «рыцарских правил», которые соблюдала одна Россия, но опытом ведения прокси войн. В центре внимания — группа военных специалистов, накануне РЯВ попавшая в прошлое, которая решает изменить исторический ход событий. Обстановка осложняется необходимостью действовать скрытно и эффективно, используя даже незаконные методы. Они не хотят напрямую вмешиваться в дела Российской империи, и делают это опосредовано, создав для этого «прокси» государство.

© Лозовский И. (., 2026

© Автор, 2026

Иван Лозовский

Борзый

Глава I

1 июня 1902 года. 16 часов 00 минут. Вашингтон, авеню Пенсильвания Нортвест, 1600, Западном крыле Белого дома. Двухкомнатный сюит Рабочее место Теодора Рузвельта

Солнечный свет пробивался сквозь тяжёлые бархатные шторы, освещая кабинет Теодора Рузвельта. Помещение выглядело внушительно и строго: стены были обшиты тёмным дубом, на полу лежал толстый персидский ковёр с витиеватым узором. В центре стоял массивный письменный стол из красного дерева, заваленный картами, донесениями и чистыми листами бумаги. Над камином висел портрет Джорджа Вашингтона, а рядом — большая карта мира с отметками американских владений. На полках вдоль стен стояли книги по истории, военному делу и дипломатии, а на столе — бронзовая лампа и фотография семьи Рузвельта.

Четыре джентльмена, ранее думавших, что они решают судьбу Северной и Южной Америки в рамках «Доктрины Монро», сидели обескураженные поражением от филиппинских повстанцев и непонятно откуда взявшегося королевства Палаван. 26-й президент США Теодор Рузвельт — младший — самый влиятельный на двух континентах человек выглядел подавленным, а его собеседники: государственный секретарь США Джон Милтон Хей, военный министр Элиу Рут и министр флота Уильям Генри Мур — очень виноватыми. Напряжение было разлито по кабинету, с такой густотой, что казалось его можно намазывать на хлеб вместо джема.

Теодор Рузвельт нервно ходил из стороны в сторону, сжимая в руках телеграмму из Манилы.

— Господа, — Рузвельт резко остановился и обернулся к собравшимся, — вы все видели донесения. Американские войска бежали с Филиппин. Бежали, как мальчишки, испугавшиеся своей тени в подворотне! Генерал Малавар и его союзники с Палавана нанесли нам сокрушительное поражение. И что хуже всего — у них германское вооружение! Откуда? Как это вообще возможно?

Джон Милтон Хей осторожно поправил очки и мягко произнёс:

— Теодор, ситуация действительно серьёзная. По последним данным, королевство Палаван вооружено немецким оружием. Возможно оно заключило тайный договор с Германией. Немцы поставили им новейшие винтовки Маузера, пулемёты Максима и даже несколько скорострельных орудий. Видимо, они решили использовать архипелаг как рычаг давления на нас в Тихом океане или боши решили забрать Филиппины.

Элиу Рут, склонившись над картой Филиппин, хмуро добавил:

— Проблема не только в вооружении. Малавар оказался талантливым стратегом. Он объединил разрозненные силы сопротивления, а союз с Палаваном дал ему доступ к опытным солдатам и базам снабжения. Наши войска были раскиданы по всему архипелагу, лишены чёткого командования и не готовы к партизанской войне в джунглях. Мы недооценили противника.

Уильям Генри Мур, постукивая пальцами по столу, вставил:

— Флот тоже оказался не готов. У Филиппин не было флота. Флот королевства Палаван? О нем никто не слышал ни до и после поражения. Даже сейчас мы не знаем его состава и возможности. Предполагаем, что флот Палавана — такой же, как и у пиратов моря Сулу. Морские лодки, джонки и прочая парусная мелочь. Но это быстрые лодки и знание местных вод позволили им перерезать наши линии снабжения. Они используют внезапность для атак на наши прибрежные гарнизоны. Мы потеряли флот в Маниле и Кавите, но вряд ли у Палавана

есть на эти корабли моряки. Даже если немцы помогут, то они смогут укомплектовать экипаж одного крейсера. Но сможет ли этот экипаж воевать?

Рузвельт сел за стол и провёл рукой по лицу:

— И что же вы предлагаете? Отступить и признать поражение? Это ставит крест на всей «Доктрине Монро». Нас выбросят из клуба «Великих держав». Правители европейских держав называют нас торгашами и лавочниками и относятся с презрением. И самое главное. Через два года выборы. Мой соперник скорее всего будет Паркер. Демократы сожрут нас.

Банкиры меня сожрут. Джон Пирпонт Морган и Огюст Бельмонт-младший, свора Селигманов, этих «американских Ротшильдов», особенно Исаак Ньютон Селигман. Они требуют свои деньги, вложенные в войну.

По Парижскому мирному договору 1898 года мы приобрели Филиппины у Испании за 20 миллионов долларов. Наши затраты на войну составили пока 600 миллионов. Затраты на войну уже превысили стоимость покупки этих сраных островов в 30 раз. Причем это без потери флота, баз, оружия, припасов, амуниции и продовольствия. Там еще не менее 200 миллионов. И сейчас мы начинаем войну сначала. Или отступим?

Хей поднял руку:

— Ни в коем случае. Но нам нужно изменить стратегию. Предлагаю начать с дипломатии. Для начала объявляем войну королевству Палаван. Да, я понимаю, что таким образом мы его признаем. Но нам надо выиграть время. В Колумбии все идет к завершению. Скоро мы аннексируем Панаму и сможем начать строительство канала. До этого момента флот нужен именно там. Если в разгромленном Китае достаточно «дипломатии канонерок», то в Колумбии нужна «дипломатия броненосцев».

Рут кивнул:

— Одновременно нужно собрать армию и флот. И самое главное — наладить снабжение. Без еды и патронов даже лучшие солдаты превращаются в толпу беженцев. Также стоит изучить возможность вербовки местных союзников — не все племена поддерживают восстание. Армия подготовит к войне: доукомплектуем 21-й пехотный полк — из форта Маккинли (Аляска), его почти уничтожили на Филиппинах, 27-й пехотный полк — форт Хаммонд (Орегон), 31-й пехотный полк — форт Ванкувер (Вашингтон).

8-й кавалерийский полк из Калифорнии, 9-й кавалерийский полк — форт Райли (Канзас),

Мобилизуем двадцать тысяч скаутов. Это отребье за возможность убивать запишется в экспедицию раньше всех и со своим оружием. Нам останется только кормить их. Подберем артиллерию и инженеров.

Мур добавил:

— Флот обеспечит прикрытие. Мы сосредоточим силы у побережья Палавана. Если Палаван выйдет из войны, мы сможем блокировать Лусон и Минданао и отрезать Малавару от подкреплений. Также стоит рассмотреть возможность перехвата германских поставок — если мы докажем, что они нарушают нейтралитет, это даст нам повод для жёстких мер.

Флот привлечет: броненосцы «Висконсин» (BB-9), «Орегон» (BB-3), «Кирсидж» (BB-5) и «Техас». Броненосные крейсера: «Бруклин» (ACR-3), USS Albany (PG-36/CL-23), USS Maine (ACR-1) и USS New York (ACR-2). Бронепалубные крейсера: USS Atlanta (C-10) и USS Boston (C-2), USS Columbia (C-12) и USS Minneapolis (C-13). Эсминцы типа «Бейнбридж»: USS Decatur (DD-5), USS Paul Jones (DD-10), USS Perry (DD-11), USS Stewart (DD-13) надавим на верфи и заставим завершить строительство пораньше. Ну и миноносцев отправим.

Рузвельт задумался, затем резко встал:

— Хорошо. Действуем по этому плану. Джон, займитесь подготовкой ноты об объявлении войны Палавану. Найдите их эмиссаров в Гонконге или Сингапуре — кто-то из их дипло-

матов наверняка там находится. Элиу, готовьте армию. Подберите офицеров с опытом колониальных войн. Уильям, обеспечьте морскую блокаду и защиту конвоев.

Рут поднялся:

— Теодор, это будет нелегко. Малавар — опасный противник, а Палаван с германским оружием — серьёзная угроза. Но если мы объединим дипломатию, силу и хитрость, победа всё ещё возможна.

Мур встал рядом:

— Флот готов выполнить любой приказ. Мы вернём контроль над Филиппинами.

Рузвельт обернулся к своим советникам и твёрдо произнёс:

— Тогда за работу, господа. Америка не отступает. Мы ответим на вызов, и флаг США снова будет развеваться над Манилой.

Чиновники обменялись решительными взглядами и направились к выходу. В воздухе витало ощущение новой главы — не поражения, а подготовки к реваншу.

2 июня 1902 года. 12 часов 00 минут. Южно- Китайское море. О. Гонконг. Резиденция губернатора (колонийного секретаря) Гонконга.

Резиденция губернатора Гонконга величественно возвышалась на живописном склоне пика Виктория. Белоснежное здание в колониальном стиле с широкими верандами и колоннадами смотрело окнами на бухту Виктория. Широкая лестница вела к главному входу, обрамлённому арочными окнами с деревянными ставнями. Веранда была увита тропическими лианами и уставлена ротанговой мебелью, рядом в кадках стояли веера пальм.

Внутри царила атмосфера сдержанной роскоши: высокие потолки с массивными вентиляторами, паркетные полы, тяжёлые шёлковые шторы. В холле висели портреты британских монархов и предыдущих губернаторов. Кабинет самого Блейка поражал своим убранством: массивный письменный стол из красного дерева, глобус, книжные шкафы с трудами по востоковедению и морскому делу, на стенах — карты региона и морские пейзажи. В воздухе витал аромат жасмина и сандала, доносившийся с веранды, а лёгкий бриз с моря слегка колыхал шторы.

В кабинете за длинным столом из тикового дерева, собрались четверо высокопоставленных британских джентльменов.

С бокалами превосходного шотландского виски (скотча) Johnnie Walker в руках. Этот купажированный виски, который к концу XIX века завоевал популярность. В его составе использовались солодовые спирты с выдержкой от 3 до 12 лет. Они решали судьбы народов Тихого океана.

Сэр Генри Артур Блейк, губернатор Гонконга, председатель Исполнительного совета и главнокомандующий частями британской армии (и, по мнению некоторых, единственный человек в Гонконге, способный заставить замолчать даже самых шумных китайских торговцев, правда это он делал под угрозой пары пулеметов, но все же...) — седовласый мужчина с пронизывающим взглядом, в безупречном костюме колониального образца. Он занимал пост с 1898 года и хорошо знал тонкости управления в регионе.

Сэр Франк Ательстан Светтенхам, губернатор Стрейтс-Сетлментс (колонии, включавшей Сингапур, Пинанг и Малакку) — подтянутый, с военной выправкой, в форменной одежде. Его опыт управления Сингапуром и малайскими территориями делал его ценным собеседником.

Сэр Джеймс Стюарт Локхарт, комиссар Вэйхайвэя — худощавый, с внимательным взглядом, одет скромно, но со вкусом. Немного владел китайским языком, что помогало ему в управлении арендованной у Китая территорией.

Вице-адмирал сэра Сайприан Артур Джордж Бридж — статный моряк с седыми усами и бородой, в парадном мундире с орденами. Командующий Китайской станцией Королевского флота, он отвечал за безопасность и продвижение британских интересов в регионе.

Блейк, разливая виски из пузатой бутылки, начал разговор:

— Господа, новости с Филиппин тревожны. Американцы потерпели сокрушительное поражение от генерала Малавара и его союзников с Палавана. И что хуже всего — у них германское вооружение. Как это возможно в наших водах, где мы все контролируем?

Светтенхам, поправляя пенсне, ответил:

— Получается, Палаван заключил тайный договор с Берлином. Немцы поставили им новейшие винтовки Маузера, пулемёты Максима и даже несколько скорострельных орудий. Видимо, решили использовать архипелаг как рычаг давления на американцев — и косвенно на нас.

Локхарт задумчиво кивнул:

— Это меняет баланс сил в регионе. Если Палаван станет германским плацдармом, это создаст угрозу нашим коммуникациям между Гонконгом и Сингапуром. Наши интересы в Борнео оказываются под ударом. Нам нужно понять, насколько глубока эта связь. Возможно, китайцы тоже обеспокоены усилением немцев у своих южных границ.

Бридж, постукивая пальцами по карте Филиппин, добавил:

— Флот пока не фиксирует усиление германского присутствия. Их торговые суда всё не заходят в порты Палавана или Филиппин. Если они начнут размещать там военные корабли, это станет прямой угрозой. Наши крейсера пока не патрулируют район, нам нужно больше информации.

Блейк встал и подошёл к окну, глядя на бухту:

— Нам нужно действовать на опережение. Франк, вы имеете связи в малайском регионе — выясните, какие племена или правители на Палаване могут быть недовольны новым союзом. Джеймс, проверьте, нет ли у нас рычагов влияния через Вэйхайвэй. Китайские чиновники уже признали это самозванное Королевство. Вчера штаты объявили ему войну, а значит получается тоже признали. Русские, Француз, Японцы, Германия и Австро-Венгрия, признали Палаван, как и разные мелкие государства.

Светтенхам улыбнулся:

— Какая армия может быть у Палавана. На помощь к Малавару они привели около семи тысяч солдат. У Малавара около двадцати пяти. Управлять флотом, захваченным у американцев, они не смогут, тем более воевать.

Локхарт добавил:

— Его Величества король Соединённого Королевства Великобритании и Ирландии Эдуард VII, Палаван не признал.

Получается, что сейчас Филиппины как бы ничьи? Испанцы проиграли войну и отдали их янки, янки не смогли их удержать и отдали повстанцам и самозванному королю. Ни повстанцев, ни Палаван Британия не признала. Значит Филиппины и Палаван ничьи.

Светтенхам задумчиво потягивал виски:

— А зачем нам Филиппины и Палаван?

Локхарт аж подскочил, чуть не расплескав свой напиток:

— Вы что Франк, Палаван — это нефть и природный газ, марганец, никель, золото, медь, строительные материалы: известняк, мрамор, доломит.

Филиппины — это золото, медь, никель, хром, уголь, бокситы, серебро, молибден, цинк, свинец, марганец, ртуть, барит, пирит, сера, асбест, перлит, бентонит, фосфориты, гуано, магнетит и хромосодержащие пески по побережью.

Блейк, очень задумчиво:

— Джентльмены, предлагаю организовать Филиппинскую британскую компанию, которая займется освоением Филиппин в интересах Британии. Доли распределим всем по пятой части.

— Пятым членом правления Вы учли его Величество? — поинтересовался Локхарт. — Если так, то я согласен.

Блейк обернулся к собравшимся:

— Отлично. В нашей зоне ответственности ничьих земель быть не может. Предлагаю захватить Палаван, с его армией в семь тысяч это будет легко. Затем займемся Филиппинами. Если не сможем захватить начнем блокаду и додавим. Адмирал, какие корабли вы сможете выделить для операции на Палаване и Филиппинах?

Бридж поднялся:

— Броненосец HMS «Альбион», Броненосные крейсера HMS «Кресси» (Cressy) и HMS «Сатледж» (Sutlej). Бронепалубные крейсера HMS «Харибда» (Charybdis), HMS «Минерва» (Minerva), HMS «Фаэтон» (Phaeton). Миноносец HMS «Альбатрос» (Albatross) и корвет HMS «Кронфлер» (Cornflower). Эти силы могу собрать в течение десяти дней.

Блейк, подливая всем виски, задумчиво:

— Королевская морская пехота, сводный батальон — тысяча. Морская бригада с кораблей эскадры — ещё тысяча.

Пять тысяч регулярных: два китайских батальона из Гонконга, по одному из Вейхавей и Сингапура, плюс индийский пехотный батальон.

Две тысячи добровольцев: европейцы, евразийцы, местные. В сумме девять тысяч.

Командовать эскадрой поставим заместителя адмирала Бриджа — контр-адмирала сэра Эдварда Хобарта Кэмпбела. Его же заместителем будет капитан «Альбиона» Уильям Генри Смит.

Светтенхам опять улыбнулся:

— Джентльмены, а почему мы сами будем воевать? У нас есть вассалы, обязанные воевать за британские интересы.

Король Саравака 2-ой белый раджа Чарльз Джонсон Брук может выделить не менее пяти тысяч своих пиратов. Его отношения с Британией стали сложными и противоречивыми. С одной стороны, он продолжает политику своего дяди Джеймса Брука, укрепляя власть в Сараваке но сотрудничает с британскими интересами в регионе. С другой стороны, его отношения с нами властями, особенно с Колониальным управлением, достаточно напряжённые. Он не всегда выполняет наши просьбы. Поэтому напомним ему, что надо выполнить эту просьбу. Очень надо.

Брунейский султан Хашим Джахилуль Алам. С него можно и более пяти тысяч затребовать. Он давно ищет нашего покровительства. Пусть отрабатывает или лишится трона. С прошлого года Чарльз Брук требует уступить районы Белайт и Тутонг. Намекните что, если не выставит войска, мы поможем Бруку.

Британское Северное Борнео (под управлением Британской компании Северного Борнео). Пусть губернатор Чарльз Джеймсон Вудс тоже выделяет пять тысяч местных, которых они называют солдатами, а мы пиратами. Согласно соглашению 1888 года, Британия не имеет права вмешиваться во внутреннее управление Северного Борнео. Но у них есть напряженные отношения с Брунейским султаном. Припугните, что мы поддержим султана.

Получится больше пятнадцати тысяч. С учетом наших восьми станет двадцать три. Как у Малавара. Тем более впереди пойдут армии туземцев, а не доблестные британские солдаты.

Собеседники обменялись понимающими взглядами. Виски был выпит, планы намечены. В резиденции губернатора, под шелест пальм и шум прибоя, Британская империя готовилась ответить на новый вызов. Точнее подобрать бесхозное имущество в виде Филиппинского архипелага. Блейк ещё раз окинул взглядом собравшихся:

— Джентльмены, от наших действий зависит не только безопасность торговых путей, но и престиж короны. Пора показать, что Британия по-прежнему держит руку на пульсе Тихого океана.

Все поднялись из-за стола, готовые приступить к исполнению задуманного. Солнце клонилось к закату, окрашивая воды бухты Виктория в золотисто-алые тона — день подходил к концу, но работа только начиналась.

Глава 2

11 июня 1902 года. 12 часов 00 минут. Желтое море. 100 миль южнее порт Вейлария, борт миноносца «Борзый».

Как быстро пролетело время. Эти две недели пролетели как миг. Ким Енрик, стоя на мостике «Борзого» и глядя на фотографию жены, вспоминал свой такой желанный, но такой короткий отпуск.

...Наконец отправив экипаж по домам проинструктировав дежурную смену экипажа из холостых матросов, Я смог позволить себе покинуть корабль.

Я сошел на берег и увидел жену разговаривающей с женами его матросов. Воздух застрял в легких.

— Сунни, — позвал он. Не громко, но ветер донес имя точно до неё.

Жена вздрогнула. Платок соскользнул с её плеч, открывая лицо — слегка бледное, но такое родное и прекрасное. Она повернулась. Их взгляды встретились через десять шагов мокрого гранита.

В этом взгляде не было радости супергероев. Была боль, копившаяся месяцами, и огромное, почти физическое облегчение.

Сунни сделала шаг навстречу, потом еще один. Я сократил оставшееся расстояние. Он не стал говорить «я вернулся» или еще какую ни будь банальность. Я просто обнял её, крепко, почти грубо, чувствуя, как под моими ладонями дрожат её плечи. Она уткнулась лицом в холодную суконную ткань кителя, и он почувствовал влажное тепло её слез.

— Ты живой, — прошептала она по-корейски, так, как говорила только дома. — Чиса рамнида... Ты живой.

— Я обещал, — ответил он так же, на родном языке, глядя её по волосам. Запах её духов — сушеных яблок и лаванды — перебил запах моря и махорки. — Прости, что заставил волноваться.

Сунни отстранилась на шаг, но руки не убрала с его груди. Она смотрела на его лицо, нежно гладила свежие награды.

Вокруг них шумела Вейлария. Кричали чайки, где-то лаяла собака, грузчики перекликались с портовым начальством. Но для меня мир сузился до круга тепла между ними двумя.

— Пойдем, — сказала Сунни, беря его под руку. Её пальцы были ледяными. — Пора домой.

Я кивнул, и бросил внимательный взгляд на «Борзый», его второй дом, его боевой товарищ, уставший после долгого перехода, отдыхал стоя у пирса.

— Пойдем, — повторил он, плотнее кутая её в свой шарф. — Веди меня домой, Сунни.

Они пошли вверх по набережной, двое маленьких силуэтов в огромном сером городе, оставляя за спиной войну и море. И большому, строящемуся городу не было до них никакого дела.

Они пошли пешком. Вейлария жила своей жизнью: разносчики несли корзины с овощами и зеленью, русские офицеры в белых кителях спешили в штаб или на корабли, корейские рабочие в соломенных шляпах толкали тачки с кирпичом. На углах ещё висели выцвет-

шие иероглифы, над дверями – резные деревянные наличники, все, что осталось от бывшего китайского поселения Сину, но здесь уже звучала русская речь, стучали молотки, пахло свежей штукатуркой. Русские перекраивали карту, но жизнь шла по своим законам: медленно, упрямо, не обращая внимания на указы.

Дом на тихой улице, обрамлённой молодыми акациями. Небольшой одноэтажный, с невысоким крыльцом, окнами с наличниками и внутренним двориком, где когда-то росло сливовое дерево, а теперь лежала грубая доска вместо дорожки от калитки до крыльца. Внутри – прохлада, невысокие потолки, деревянные балки, следы от снятых ширм. Воздух пах пылью, старой древесиной и чем-то неуловимо личным: остатками чая в керамическом чайнике, следом от пальцев на подоконнике, тишиной, которая не была пустой, а просто ждала своих хозяев.

Суни уже разложила постельное бельё, поставила на стол самовар, это русское изобретение, без которого не выпить превосходного китайского чая. И наличие которого в доме у корейцев считалось признаком достатка и богатства. Она не пыталась стереть прошлое. Она просто заняла пространство, пока оно было свободно.

— Мы здесь на время, — сказала она, наливая чай. — Наш новый дом будет готов в следующем месяце. Но пока мы здесь – это наш дом.

Я снял китель, повесил его на спинку стула. Провёл ладонью по столешнице. Дерево тёплое. Живое. Закрыл глаза. И впервые за эти полгода позволил себе не думать о торпедных аппаратах, давлении в котлах, курсах и пеленгах. Он просто жил и дышал. Без постоянного напряжения и дикой ответственности.

Отпуск начался не с прогулок, а с тишины. Я просыпался от криков чаек и отдалённого гудка парохода. Суни уходила в штаб с утра, возвращалась к обеду потом опять бегала до вечера. Она не жаловалась. Не торопила. Просто работала. Ее жалование выплачиваемое ежемесячно, для прежней жизни было целым состоянием. Целых 40 рублей.

Вечером мы бродили по набережной. Наблюдали, как строят трамвайные пути, как матросы грузят непонятные ящики. Я покупал у разносчика жареные пирожки, Суни торговалась за связку чеснока или овощи. Мелочи, из которых складывается мир, когда война ещё только шепчет за спиной.

На третий день мы поднялись на холм, где за строительными лесами рос наш дом.

Бригадир, кореец в возрасте, в закатанных рукавах развернул планы на козлах, ткнул пальцем в линии:

— Дом превосходный. Типовой планировки. Осталась только внутренняя отделка. Если ни чего непредвиденного не случится – через месяц ключи от него Ваши.

При этом бригадир постоянно кланялся.

Мы обошли площадку. Я провёл рукой по кирпичу. Он был шероховатым, тёплым от солнца. Настоящим. Не чертежом. Не обещанием. Вещью, которая переживёт года и десятилетия.

— Окна на восток, — сказал я, глядя на будущую гостиную. — Чтобы утренний свет падал на стол.

— И порог из тика, — добавила Суни, стоя рядом. — Чтобы не скрипел. И чтобы ты не спотыкался, возвращаясь в темноте.

Прораб заискивающе улыбался, постоянно кланялся, но ничего не сказал. Только кивал как китайский болванчик.

Вечером мы сидели во дворике временного дома. Суни перебирала рис, Я просто отдыхал, смотря на огонь очага. Огонь в очаге еще тлел. Я вспомнил как давно, еще в Корее, говорил Суни:

— Когда-нибудь... наши внуки будут жить в доме с черепичной крышей. И не будут кланяться янбанам.

Суни улыбалась — тихо, устало, но с верой.

— А теперь через месяц мы будем жить в доме с черепичной крышей. И сегодня бригадир кланялся тебе как янбану. Мне даже не верится в это.

В один из вечеров, ближе к концу отпуска, когда по традиции они смотрели на огонь очага, Суни сказала: — В штабе говорят, что скоро «Борзому» опять идти на Палаван. Помогать громить пиратов. А потом поход в Панаму. Но зачем, не говорят.

— Я знаю, — сказал я. — «Борзый» уже дважды выходил из бухты. Тренировочные пуски. Ночные манёвры. Команда учится. Мы постоянно тренируемся после регламента и модернизации.

Она молчала. Потом положила голову мне на плечо. Я чувствовал, как её дыхание замедляется, как пальцы цепляются за ткань его рубахи. Не от страха. От усталости. От осознания того, что время — река. И они стоят на берегу, зная, что рано или поздно придётся войти в воду.

Отпуск сжимался, как пружина. Приказ поступил 9 июня: «Борзый» выходит на Палаван 11-го. Я собрал чемодан. Суни помогала. Застёгивала пуговицы, проверяла швы, складывала фотографии в водонепроницаемый конверт. Её руки не дрожали. Но пальцы двигались слишком быстро, слишком точно. Как будто она боялась, что если остановится — время побежит быстрее.

Последний вечер они провели на крыльце. Не разговаривали. Пили чай. Слушали, как порт засыпает: гудки, шаги, отдалённый смех, плеск волн о сваи. Когда стемнело, Суни достала из кармана фотографию, где мы вместе стоим обнявшись. Ее сделали в ателье, которое уже появилось в Вейлании.

Я шёл к причалу. Воздух был холодным, влажным, пахнущим дымом и солью. «Борзый» стоял у пирса, дым уже поднимался из трубы, винт тихонько проворачивался в воде. Команда выстроилась. Лица серьёзные. Никто не улыбался. Никто не говорил. Только кивки. Только взгляды, иногда жесты.

Суни стояла у края пирса. Цветы в руках. Спина прямая. Волосы заколоты. Она не махала. Не плакала. Просто смотрела. Смотрела и уже начала ждать моего возвращения.

Ким открыл глаза. Фотография в его руке слегка дрожала от вибрации корпуса. «Борзый» набирал ход. Машина работала ровно, чувствуется рука старшего механика.

— Мичман, — раздался за спиной голос Глебова. — Через десять минут у меня тренировка абордажников. Освободи палубу от матросов.

Ензик убрал фотографию в карман, ближе к сердцу. Он выпрямился, и маска мечтателя исчезла, уступив место лицу офицера Флота Палавана. Вейлария осталась за кормой, скрытая

горизонтом. Там, в пыли и шуме стройки, оставалась его жизнь, его будущее, его причина воевать.

— Сделаем, — твердо ответил Ким Енрик. — Но со следующего раза матросы будут на палубе. И будут сопротивляться. Мне тоже надо тренировать своих людей.

После модернизации на «Борзом» появилась штатная абордажная команда двадцать человек под руководством Глебова («Киндера»). В кубриках стало теснее, но в целом безопаснее. Глядя на их тренировки, я был уверен, что эти морпехи способны убивать любым предметом, даже голыми руками. А ведь еще три месяца назад они тоже были корейскими, филиппинскими крестьянами и русскими солдатами.

А еще Глебов отвоевал себе уголок в рубке, и организовал там радиоточку. Теперь на «Борзом» постоянно играет музыка. Кстати, очень хорошая музыка. И если бы Глебов не хулиганил, включая музыку на полную громкость... Колонки и усилитель делали звучание музыки настолько громкой, что она перебивала пароходные гулки, а мне казалось, что президент США Рузвельт прибежит из Америки разбираться, кто это хулиганит.

А вот от адмирала Иванова «Борзый» постоянно получал два сигнала: «Адмирал выражает неудовольствие!» и второй, появившийся совсем недавно и не внесенный в международный код флажных сигналов «Киндер включил херню!».

А вообще «Борзого» превосходно модернизировали. Убрали 57-мм пушки, но добавили две 76-мм. Теперь на нем четыре 102-мм и четыре 76-мм орудия и один трехтрубный 457-мм торпедный аппарат. Мне поставили небольшую РЛС, как сказали из груза «Африканца», теперь рубка вся в экранах и ноутбуках, а я вижу все корабли на дальности пятьдесят миль.

Наш конвой из «Африканца», вышедшего из ремонта «Гонконга», «Борзого» и транспортов десяти узловым ходом идет на Палаван.

А «Борзый» как обычно рыскает вокруг каравана, заменяя и походное и боковое охранение.

15 июня 1902 года. 06 часов 00 минут. Южно-Китайское море. Остров «Гонконг», район Адмиралтейства, береговая станция Тамар, стоянка британского флота.

Небо над Викторией-харбором ещё не до конца освободилось от предрассветной синевы. Восток уже горел узкой полосой расплавленного золота, отражаясь в неподвижной воде гавани, но запад хранил глубокие, прохладные тени. Воздух был густым, влажным, пропитанным солёным бризом, запахом каменного угля, машинного масла и прелых водорослей, прибитых к каменным набережным Адмиралтейства. На склонах Пик-Виктории, окутанных лёгкой морской дымкой, ещё спали виллы британских чиновников, но внизу, у береговой станции Тамар, жизнь уже кипела в ровном, безжалостном ритме империи.

Пар поднимался над палубами, как утренний туман, только тёплый и пахнущий дымом сгоревшего угля. Десятки тысяч тонн стали и дерева, тысячи человек в белой форме, десятки котлов, разжигаемых с рассветом. Корабли эскадры стояли в строю, словно готовые к броску хищники. Головным, от главного причала Тамара, отошел броненосец «Альбион». Его броневые пояса, башни главного калибра, высокие мачты с сигнальными фалами и тяжёлые якорные клюзы дышали угрозой и порядком. Британским порядком. Палуба была отдраена до белизны, медные фитинги сверкали, а у орудий уже стояли расчёты в форменных кителях, ладони которых помнили шершавость маховиков наводки, вес снарядов и отдачу выстрелов.

Следом, сместившись к внешнему рейду, шли броненосные крейсера «Кресси» и «Сатледж». Длинные корпуса, бронированные барбетты, тяжёлые орудия среднего калибра, способные настигнуть и потопить любого, кто осмелится бросить вызов британскому флагу в этих водах. Их дымовые трубы уже выпускали большие клубы дыма, смешиваясь с влажным воздухом. За ними выстроились бронепалубные крейсера — «Харибда», «Минерва»,

«Фэтон». Быстрее, манёвреннее, они предназначенные для разведки, преследования и прикрытия десанта. В авангарде, качаясь на лёгкой зыби, шел миноносец «Альбатрос» — длинный, узкий, с острыми обводами и низким силуэтом. Его котлы уже давали устойчивое давление, торпедные аппараты были развёрнуты, а вахтенный офицер на мостике сверял хронометр с восходом. Чуть поодаль, шел скромный, но надёжный корвет «Корнфлауэр», ветеран дальних походов, готовый к патрулированию и поддержке на мелководье. И за ними, вытянувшись в две линии, шли двенадцать транспортов: угольщики, десантные, грузовые пароходы с трюмами, полными ящиков с патронами, провизией, полевыми госпиталями и инженерными понтонами. И конечно солдатами. Их борта были исчерчены ржавчиной от морской соли, но механизмы работали безупречно.

В шесть часов ровно прозвучал сигнал. Не колокол, а низкий, вибрирующий гудок «Альбиона», от которого задрожали стёкла в конторских зданиях набережной. Краны на верфях Тамара замерли. Винты заработали сильнее, взбивая воду в белую пену. Корабли начали медленно ускоряться, выстраиваясь в кильватерную колонну.

Гонконг просыпался. На верхних террасах Пика ещё курились каминные, но внизу, вдоль Квинс-роуд, уже открылись лавки, зазвучали голоса на кантонском, английском, хакка. Китайские джонки с высокими парусами отошли в сторону, уступая дорогу британскому флоту. Европейские чиновники в пробковых шлемах вышли на балконы клубов и контор, наблюдая, как эскадра выходит из гавани. Никто не знал, куда она направляется. Официально — учения. Неофициально — приказ губернатора Гонконга, председателя Исполнительного совета и главнокомандующего частями британской армии сэра Генри Артура Блейка. «Палаван. Обеспечить контроль. Подавить пиратские базы и узурпатора. Установить протекторат». Америка ещё не закрепила остров. Испанцы ушли. Хаос на архипелаге Сулу. Филиппины стали ничейной территорией. Британия начала действовать.

Восточный берег Коулуна ещё спал в тени, но на западе солнце уже коснулось воды, превратив её в жидкое зеркало. Южно-Китайское море встретило эскадру тёплым бризом, несущим запах далёких штормов и мангровых зарослей. Мачты отбрасывали длинные тени. Флаг адмирала развевался на грот-мачте «Альбиона». Котлы гудели. Машины стучали. Матросы стояли по местам: кто у орудий, кто у штурвалов, кто у сигнальных флагов. Дисциплина, отточенная десятилетиями колониальных походов. Британская мощь вышла покорять Палаван.

«Альбатрос» вышел вперёд, сканируя горизонт. За ним, сохраняя строй, шли крейсера. Транспорты плыли чуть позади, их кормы оставляли широкие белые полосы. Ветер усилился. Паруса на корвете «Корнфлауэр» были подняты на случай, если уголь придётся беречь. Но сегодня экономить не планировали. Палаван — восемьсот пятьдесят миль на юго-запад. Восемьдесят пять часов, трое с половиной суток ходу. Потом — высадка.

На мостике «Альбиона» контр-адмирал сэр Эдвард Хобарт Кэмпбел. И его заместитель капитан «Альбиона» Уильям Генри Смит смотрели в бинокль, жадно вглядываясь в горизонт.

«Альбион» возвышался над морем, как стальной остров, высеченный из британской стали и инженерного расчёта. Его корпус, длинный и приземистый, с высоко поднятым клиперным форштевнем, не качался на утренней зыби, а рассекал её с тяжёлой, неумолимой плавностью. Ватерлиния, отмеченная красной полосой, уходила в воду, но над палубой поднимались бронебашни, мачты-гиганты и две дымовые трубы, извергающие густой, сизый дым. Это был не просто корабль. Это была плавучая крепость, спроектированная для дальних морей, но несущая в себе всю тяжесть метрополии. И Британской мощи.

Его борта были защищены поясом из крупноватой стали толщиной до шести дюймов, плавно сходящим к носу и корме. Башни главного калибра, массивные и угловатые, скрывали за десятью дюймами цементированной брони по два двенадцатидюймовых орудия в каждой. Коническая боевая рубка, увенчанная дальномерами и сигнальными прожекторами, стояла на палубе, как бронированный глаз империи. Ни один снаряд, выпущенный с деревянного или

лёгкого стального корпуса, не мог пробить эту защиту без прямого, почти идеального попадания. «Альбион» не нуждался в большой скорости, чтобы быть смертоносным. Он был неумолимым. Когда его башни разворачивались, палуба вибрировала. Двенадцатидюймовые стволы, каждый длиной в тридцать пять футов, ждали заряда. Один выстрел — и полтонны стали и взрывчатки летели на восемь миль, пробивая деревянные борта прау, каменные стены испанских фортов, сталь крейсеров и броню броненосцев. По бортам, в бронированных казематах, стояли двенадцать шестидюймовых орудий, готовых обрушить на противника стену огня и осколков за считанные минуты. А ещё десятки мелкокалиберных пушек, способных отсекаать атаки миноносцев или штурмовые лодки. «Альбион» не стрелял часто. Но когда стрелял — море содрогалось.

Под ватерлинией гудели двадцать водотрубных котлов «Бельвиль», сжигающие тонны валлийского угля в час. Три паровые машины тройного расширения превращали пар в двадцать тысяч лошадиных сил, вращая два гребных винта. Корабль развивал восемнадцать узлов, но его истинная мощь была не в скорости, а в инерции. Когда он шёл полным ходом, вода за кормой кипела, а низкая, ритмичная вибрация передавалась через палубы в кости матросов. Это был пульс индустриальной эпохи: пар, сталь, дисциплина. Никакого паруса, никакой удачи. Только расчёт, топливо и воля.

На грот-мачте развевался флаг адмирала Китайской станции. Под ним, на мостике, стояли офицеры в безупречной белой форме, с честью несущие бремя белого человека и готовые любому доказать превосходство Британии.

Впереди — открытое море. За кормой — Гонконг, город контрастов, имперский узел, где сходились торговля, шпионаж и сила. Сегодня флот нёс не грузы, а приказ. Не торговые контракты, а пушки. Южно-Китайское море приняло эскадру, как принимало тысячи кораблей до неё: без вопросов, без предупреждений. Только ветер, вода и сталь.

А на набережной четыре джентльмена: сэр Генри Артур Блейк, сэр Франк Ательстан Светтенхам, сэр Джеймс Стюарт Локхарт и вице-адмирал сэр Сайприан Артур Джордж Бридж жадно вглядывались в корабли эскадры.

— Почему эскадру не возглавил вице-адмирал Бридж? — недоуменно спросил Светтенхам. — Мне почему-то не спокойно на душе. Такое ощущение, что мы чего-то не знаем. И чего-то не учли.

— Вот поэтому Бридж и не возглавил эскадру. — ответил Блейк. — Если рейд будет успешным, мы наградим контр-адмирала Кэмпбела. Если миссия провалится, то я послал эскадру на учения. Как она оказалась на Палаване? Пусть объясняет Кэмпбел.

Эскадра уходила на юго-запад. Солнце поднималось выше, заливая палубы золотом. Палаван ждал. И империя ждать не собиралась.

Глава 3

16 июня 1902 года. 06 часов 00 минут. Море Сулу. 1 километр севернее деревни Аборлан, центральный Палаван, штаб 1-го батальона морской пехоты королевства Палаван.

Подполковник Чэнь Гофу стоял на поросшем папоротниками склоне холма, вслушиваясь в мерный гул прибоя моря Сулу. Перед ним, в долине между зелёными холмами, раскинулась деревня Аборлан — цепочка крытых пальмовыми листьями хижин, окружённых огородами и банановыми рощами. Бирюзовые воды лагуны мягко накатывали на белоснежный песок, а в воздухе витал аромат жасмина и соли. Над головой кружили альбатросы и фрегаты, высматривая добычу в прибрежных водах.

Чэнь окинул взглядом свой батальон, расположившийся на склоне. Солдаты отдыхали в тени деревьев, чистили винтовки, проверяли снаряжение. На них была трофейная амери-

канская тропическая форма, захваченная в Маниле: выгоревшие на солнце хаки-рубашки с короткими рукавами, шорты, широкополые панамы. Форма сидела неидеально, но была куда удобнее китайских мундиров — легче, удобнее в жару, быстрее сохнет после дождя. И русские не пожалели своих трофеев для них. Хотя они нас чужаками и не считают.

Мысли подполковника унеслись назад — к тем дням, когда его батальон ещё служил Китаю. Тогда это были плохо вооружённые оборванцы, больше похожие на крестьян с ружьями, чем на солдат. И хоть дисциплина не хромала, в маньчжурских подразделениях она всегда была на высоте, обучение сводилось к строевым смотрам, но не смотря на них форма ветшала на плечах его солдат. А деньги, выделенные Пекином на его батальон, воровал губернатор провинции.

Всё изменилось, когда к нему прибыл этот странный русский и предложил русскую службу всему батальону. Они не просто привезли оружие и деньги — они принесли систему. Фактически спасли от голода солдат и их семьи. Под их руководством батальон прошёл не через муштру, а реальные боевые тренировки, изучил тактику малых групп, освоил военную науку, причем такую, которой не было нигде. Русские офицеры требовали точности, пунктуальности, умения читать карты и ориентироваться по компасу и без него. Требовали беречь солдат. Как это отличалось от того, чему раньше их учили германские инструкторы.

— Порядок рождает силу, — часто повторял, ныне майор, Кротов, коренастый спецназовец ГРУ. — Солдат должен знать, куда идёт, зачем идет, в кого стреляет и кто прикрывает его спину.

И батальон стал другим. Теперь это были не ополченцы, а регулярные войска. И, судя по всему, даже имперская гвардия императрицы Цыси батальону не соперники, дисциплинированные, обученные, сплочённые. Русские инструкторы научили их использовать местность, маскироваться, вести разведку. Даже язык команд изменился — теперь в нём звучали русские слова: «вперёд», «огонь», «отход», «прикрытие». И мат. Русский мат. Боевая молитва русских — первое, что выучили его солдаты.

С моря донёсся низкий гул — это канонерки «Бедовый», «Бесстыдник» и «Крайний» заняли позиции у входа в лагуну, о чем подали сигнал. Их тёмные силуэты чётко выделялись на фоне бирюзовой воды. Корабли были небольшими, но хорошо вооружёнными.

Сержант Ли Чхан-хо, бывший гардемарин, а теперь командир группы артиллерийской корректировки, подошёл к Чэню и отдал приветствие:

— Товарищ подполковник, канонерки на позициях. Готовы поддержать огнём по вашему сигналу. «Бедовый» возьмёт на себя северную окраину, «Бесстыдник» — центр деревни, «Крайний» — южную часть. Дистанция — два кабельтовых, командир дивизиона канонерок капитан 3 ранга Дмитров на связи.

— Хорошо, — кивнул Чэнь. — Огонь только по моей команде. И предупредите капитанов: избегайте попаданий в жилые дома, если можно. Нам не нужна резня.

Сержант улыбнулся:

— Они всё поняли. Капитаны сами отцы. Они знают цену мирным жителям.

Подполковник снова посмотрел на деревню. Он знал, что в Аборлане живут рыбаки, собиратели жемчуга и охотники на черепаха. Они торгуют с соседними островами, уважают старейшин и боятся духов предков. Для них король Палавана — далёкая фигура, а вот чужаки с ружьями — вполне реальная угроза. И пираты, которые постоянно грабят деревню, делая нелегкую жизнь этих людей вовсе невыносимой.

Будут ли они сопротивляться?

Возможно. В деревне есть мужчины, умеющие обращаться с оружием. Возможно, они спрятали несколько старых винтовок, доставшихся от испанцев или американцев. Возможно, в деревне укрываются пираты. Они, угрозой оружия, заставят людей воевать.

А может, и нет. Слухи о новом короле дошли и сюда. Жители Аборлана могли решить, что сопротивление бессмысленно или могли решить, что власть короля лучше власти пиратов.

Чэнь не хотел лишней крови. Он мечтал войти в деревню мирно, объявить о новом порядке, назначить старосту, обеспечить безопасность торговли и жизни этих людей, которые жили еще хуже чем они в Китае. Но если придётся стрелять...

Он коснулся рукояти маузера в кобуре. Приказ был чётким: установить контроль над Аборланом. Любой ценой.

Капитан Ли, командир первой роты, подошёл к Чэню:

— Товарищ подполковник, люди готовы. Разведчики доложили: в деревне около двухсот жителей, вооружённых мужчин — не более тридцати. Укреплений нет, только плетёные изгороди.

— Хорошо, — кивнул Чэнь. — Действуем по плану. Все как в приказе. Если сопротивления не будет — входим колонной, без стрельбы. Если откроют огонь — отвечаем прицельно, избегаем жертв среди женщин и детей.

Ли кивнул и отошёл. Солдаты начали строиться. Кто-то перекрестился по русскому обычаю, кто-то прошептал молитву духам предков.

Над морем пронёсся порыв ветра, взъерошив пальмовые листья. Чэнь вдохнул полной грудью — воздух был густ и тёпл, напоен ароматами жасмина, соли и влажной земли. Где-то вдали перекликались попугаи, а с моря доносился крик чаек, альбатросов и фрегатов.

Он ещё раз окинул взглядом пейзаж: море, пальмы, крыши Аборлана. Красота этого места казалась хрупкой, будто фарфоровая ваза. Одно неверное движение — и она разобьётся.

Но долг есть долг.

— Вперёд, — тихо сказал он. — И да хранят нас всех боги.

Батальон двинулся вниз по склону, растворяясь в тени деревьев. Впереди ждала деревня Аборлан — и решение, которое определит судьбу этих людей на годы вперёд.

16 июня 1902 года. 07 часов 00 минут. Море Сулу. Северная окраина деревни Аборлан, центральный Палаван.

Утро ещё не разогрело воздух до привычной тропической духоты, но влажность уже висела над землёй тяжёлым, почти осязаемым покрывалом. Солнце, поднявшееся над гребнями известняковых холмов, пробивалось сквозь кроны диптерокарпусов и Палаванских вишен, достигающих 20 метров в высоту, отбрасывая на землю длинные, дрожащие тени. Море у берега отлило бирюзой, пенясь у коралловых рифов, и становясь прозрачным у песчаного берега, а ветер, пробираясь сквозь мангровые заросли и кокосовые рощи, нёс с собой запах соли, прелой листвы и едва уловимый аромат цветущего иланг-иланга. Вдалеке стрекотали цикады, перекрикивались птицы-носороги, а где-то за поворотом тропы глухо шумел водопад, сбегающий по базальтовым уступам.

Деревня Аболан вытянулась вдоль узкой грунтовой артерии, ведущей от бухты вдоль речки, вглубь острова. Хижины из бамбука и нипа-пальмы стояли на высоких сваях, спасаясь от приливов и ночной сырости. Крыши, круто спущенные к земле, были покрыты спрессованными листьями, стены сплетены в характерный узор «савали», полы выложены расщеплённым бамбуком, отполированным годами босых ног. В центре поселения расчищена площадка для собраний, вокруг неё разбросаны огороды с таро, бататом, бананами и папайей. У края тропы лежат вытащенные на песок длинные лодки-банка с резными носами, напоминающими головы морских змей. Дым от утренних костров стелется низко, смешиваясь с запахом жареной рыбы, сушёного кокоса и влажной земли.

На площадке и вдоль домов собралось чуть больше половины жителей. Это были преимущественно представители коренных народов Палавана тагбануа и куянон, а также несколько семей метисов и переселенцев с Висайских островов. Мужчины носили набедренные повязки из домотканой пинтук-ткани, некоторые поверх набрасывали лёгкие куртки без рукавов. Женщины были одеты в свободные рубахи-камиса и длинные юбки-саюнг, волосы убранные в пучки, прикрытые плетёными повязками. На головах у стариков и работающих в поле виднелись традиционные салокоты из ротанга. Лица жителей были серьёзные, глаза внимательные, но в них не было ни открытой вражды, ни панического страха. Скорее, это была настороженность людей, переживших смены властей, но сохранивших веру в то, что завтра может быть лучше. Старики стояли в первых рядах, опираясь на полированные руками посохи, женщины сжимали в руках корзины с манго, дурианами и кореньями, дети жались к матерям, но все же выглядели из-под рук с тихим любопытством.

Колонна вошла в деревню под бой барабанов. Рыжая пыль поднималась под ботинками и сандалиями солдат, но строй держался ровно. Войска Палавана, одетые в лёгкие тропические мундиры цвета выжженной травы, с закатанными до локтей рукавами и широкими полями полевых шляп. Вместо тяжёлых европейских ботинок многие носили кожаные сандалии на толстой подошве, удобные для каменистых троп и болотистых низин. За спинами висели винтовки Mauser, у поясов качались местные боло, у некоторых на груди болтались патронташи из выделанной кожи. Знаки различия были скромны, но читаемы. Дисциплина чувствовалась не в жёсткой выправке, а в синхронности шагов, в приглушённых командах, в привычке солдат двигаться экономно, бережно, как люди, знающие цену каждому литру воды и каждому шагу по жаре.

Впереди, на невысокой островной лошади, ехал подполковник Чэнь Гофу. Его мундир сидел безупречно, но без излишнего лоска: ворот расстёгнут на один крючок, фуражка сдвинута чуть назад, на груди скромная русская медаль, единственная за многолетнюю службу, Китай наградами его не отметил. Лицо смуглое, скулы чёткие, взгляд спокойный и изучающий. Он не смотрел на толпу как на подчинённых или побеждённых, а как на людей, с которыми предстоит делить завтрашний день. Ни один солдат не держал винтовку на изготовку. Винтовки в положении на ремень, штыки отомкнуты и в чехлах на поясе.

Когда передовой дозор пересёк условную границу деревни, отмеченную старым фикусом и каменным жертвенником, барабаны замолчали. Остался только ритм шагов, дыхание лошадей и шелест листьев. Старейшина в выцветшей накидке на плечах сделал шаг вперёд. Чэнь Гофу остановил лошадь, спешивается, снимает фуражку и кладёт руку на грудь в жесте, понятном без перевода. Молчание длится несколько секунд. Затем старик произносит приветствие на тагбануа, голос ровный, без дрожи, без фальши. Подполковник отвечает на ломаном, но разборчивом местном наречии, кивая. Солдаты остаются неподвижными. Женщины медленно выставляют корзины с фруктами. Дети перестают прятаться. В воздухе висит не страх, а ожидание, похожее на то, что бывает перед первым дождём после засухи: земля ещё суха, но небо уже обещает перемену.

Природа Палавана была немой свидетельницей этого момента. Джунгли за спинами жителей дышали влажным теплом, море шептало у песчаной кромки, ветер колыхал листья нипа, а солнце, поднявшись выше, рассыпало по крышам хижины золотые блики. Это не было завоеванием. Это был приход новой власти, новой силы, способной защитить этих людей. И в молчаливом взгляде солдат, в настороженных, но не сжатых кулаках жителей, в корзине манго, поставленной у ног подполковника, читалась одна и та же тихая мысль: завтра должно быть лучше, чем вчера.

16 июня 1902 года. 17 часов 00 минут. Море Сулу. Северная окраина деревни Нарра, центральный Палаван.

Подполковник Чэнь Гофу в последний раз окинул взглядом деревню Нарра, раскинувшуюся у вдоль дороги, идущей из Пуэрто Принсессы на юг Палавана, на берегу моря Сулу. Белые песчаные пляжи, изумрудные пальмы, бирюзовая вода — красота этого места казалась почти нереальной. Но за идиллическим пейзажем скрывалась угроза: в деревне укрепился отряд из сотни пиратов, не один год, терроризировавший прибрежные поселения Палавана.

Чэнь понимал: его задача — не просто разбить противника, но и максимально сохранить жизни мирных жителей. Король Палавана доверил ему установление порядка на острове, и подполковник твёрдо решил выполнить приказ с минимальными потерями.

Батальон занял исходные позиции на склонах холмов, окружающих деревню с трёх сторон. Солдаты маскировались среди густой растительности — папоротников, бамбуковых зарослей и низких кустарников. С вершин холмов открывался отличный обзор на деревню: узкие улочки, крытые пальмовыми листьями хижины, огороженные плетнями участки.

В воздухе витал аромат жасмина и соли, смешиваясь с запахом влажной земли после прошедшего дождя. Где-то в джунглях перекликались попугаи, а с моря доносился мерный гул прибоя. Эта мирная картина резко контрастировала с предстоящим боем.

Чэнь ещё раз проверил план атаки, разработанный по новым русским правилам:

Первый эшелон — малые группы по 3–5 человек. Их задача — скрытное выдвижение к окраинам деревни, подавление огневых точек, создание условий для продвижения основных сил.

Второй эшелон — основные силы батальона, развёрнутые в цепи. Они должны были завершить зачистку и взять деревню под контроль.

С моря поддержку обеспечивали канонерки «Бедовый», «Бесстыдник» и «Крайний». Их тёмные силуэты чётко выделялись на фоне бирюзовой глади моря Сулу. Корабли заняли позиции у входа в лагуну, готовые открыть огонь по сигналу, и не допустить бегства пиратов.

Ровно в семнадцать часов над деревней раздался свист сигнальной ракеты — сигнал к началу атаки.

Малые группы первого эшелона начали бесшумное выдвижение. Солдаты передвигались перебежками от дерева к дереву, используя складки местности. Некоторые спускались по склонам, другие пробирались через заросли бамбука. Пираты, похоже, не ожидали скоординированной атаки с нескольких направлений — первые минуты прошли без выстрелов.

Но когда передовые группы достигли окраин деревни, тишину разорвали выстрелы. Пираты отреагировали на угрозу и открыли огонь из окон домов и с вороньих гнезд на деревьях. Завязалась перестрелка.

В этот момент заговорили орудия канонерок. «Бедовый» дал залп по северной окраине, где корректировщики обнаружили группу пиратов пытавшихся организовать оборону. Снаряды взрывались не далеко от хижин, поднимая клубы пыли и дыма. «Бесстыдник» перенёс огонь на центр деревни, где обнаружили штаб пиратов, а «Крайний» обстреливал южную часть, где обнаружили пиратов, собиравшихся послать подкрепления на север.

Под прикрытием корабельной артиллерии первый эшелон закрепился на окраинах. Солдаты выбивали пиратов из домов короткими стремительными атаками. Чэнь видел, как группа солдат ворвалась в большой дом на северной окраине — через минуту над крышей взвился сигнал о зачистке строения.

Когда пираты поняли, что окружены, их сопротивление стало отчаянным. Они бросались в контратаки, пытаясь прорваться к джунглям. Несколько групп попытались бежать к морю, но попали под огонь «Крайнего» — снаряды рвались прямо у кромки воды, уничтожая их морские лодки и заставляя пиратов отступать обратно в деревню.

В семнадцать тридцать Чэнь дал сигнал ко второй фазе. Основные силы батальона, до того удерживавшие склоны холмов и прикрывавшие действия первого эшелона, развернулись

в цепи и начали методичное продвижение вглубь Нарры. Чэнь аж залюбовался как солдаты быстро и слаженно перестроились — каждый знал своё место и задачу.

Цепи двинулись вниз по склонам, сохраняя равнение и дистанцию в 5–7 метров между бойцами. Это расстояние позволяло поддерживать визуальный контакт и огневую связь, но не давало противнику поразить сразу нескольких солдат одним выстрелом.

Продвижение шло под прикрытием огня канонерок. Корабли перенесли огонь на дальние окраины деревни и вероятные пути отхода пиратов — снаряды рвались среди зарослей бамбука и на тропах, ведущих в джунгли. Это лишало противника возможности перегруппироваться или ударить с флангов.

На подступах к деревне цепи ненадолго остановились, чтобы дать первому эшелону уточнить обстановку: где остались очаги сопротивления, где прячутся мирные жители, какие дома использовались пиратами как опорные пункты. Разведданные передавались короткими сигналами — взмахами флажков и свистками.

Солдаты вошли в Нарру с трёх сторон одновременно. Продвижение велось методично, дом за домом.

Перед каждым строением бойцы останавливались. Несколько солдат выдвигались вперёд, проверяли подходы и окна на наличие засад.

Огневая поддержка обеспечивалась парами стрелков: один вёл огонь, другой перезаряжался или менял позицию. Это создавало непрерывное давление на противника.

Обход с флангов применялся там, где пираты пытались закрепиться. Часть бойцов отвлекала внимание спереди, другая группа пробиралась через огороды, заборы или соседние дома, чтобы атаковать с тыла.

Использование укрытий было обязательным: солдаты передвигались от стены к стене, от забора к забору, не задерживаясь на открытых пространствах. Пальмы, каменные кладки, телеги — всё служило защитой.

Контроль секторов обеспечивал отсутствие «мёртвых зон»: каждый боец отвечал за свой участок обстрела, соседние номера перекрывали его сектор.

Новая русская тактика творила чудеса.

Чэнь строго приказал не стрелять по строениям, где могли находиться жители. Там, где это было возможно, солдаты подавали заранее выученные на местном языке команды: выйти с поднятыми руками, помощь близка, заверения, что солдаты пришли защитить жителей.

Там, где удавалось установить контакт, местные указывали на дома, занятые пиратами, или показывали скрытые проходы между дворами и огородами. Некоторые жители сами помогали переносить раненых или тушить небольшие пожары, возникшие от разрывов снарядов и гранат.

— Гранаты! Русское изобретение! Как мы воевали раньше без него. — Думал Чэнь

К семнадцати сорока пяти пираты потеряли единое управление. Их сопротивление распалось на разрозненные очаги: в трех больших домах на центральной улице засели группы по 5–8 человек, отстреливаясь из окон, на окраине, у складов рыбы, группа пиратов пыталась прорваться к джунглям, но попала под огонь канонерок — снаряды «Крайнего» легли точно перед тропой, уничтожив пиратов.

К восемнадцати часам сопротивление было сломлено. Пираты либо сдались, либо бежали в джунгли, где их уничтожали патрули. Цепи сомкнулись в центре деревни, образовав периметр безопасности.

Бойцы начали проверку всех строений, подвалов и укрытий. Санитары оказывали помощь раненым — своим и местным жителям. Дозорные подразделения заняли позиции на окраинах, выставив наблюдателей и пулемётные расчёты на господствующих высотах.

Над центральной площадью деревни подняли знамя Палавана — «Ночное небо» вечером 16 июня 1902 года осветило деревню Нарра. Жители, которые всё это время прятались в ямах

и за камнями неподалёку, начали выходить наружу. Некоторые несли воду и еду для солдат, другие показывали, где прятались пираты.

Батальон выполнил задачу: деревня была очищена, пираты разбиты, мирные жители спасены. Теперь начиналась другая работа — восстановление порядка и налаживание жизни под властью нового правителя.

Чэнь спустился в деревню. Он видел разбитые дома, дым от пожаров, раненых солдат и пиратов. Но главное — подавляющее большинство жителей остались живы, а раненым оказывали помощь. Старейшина Нарры подошёл к подполковнику и низко поклонился:

— Благодарим вас, господин офицер. Вы избавили нас от этих бандитов. Мы признаём власть короля Палавана и будем верны ему.

Чэнь кивнул. Он знал, что впереди ещё много работы — нужно восстановить порядок, наладить снабжение, обеспечить безопасность. Но сейчас он мог с гордостью сказать себе: задача выполнена. Батальон, преображённый русскими инструкторами, показал, на что способен. А красота Палавана, которая ещё утром казалась такой хрупкой, теперь была под надёжной защитой.

Он посмотрел на море Сулу — волны по-прежнему мягко накатывали на берег, чайки кружили над водой, а в воздухе пахло солью и жасмином. Мир возвратился в Нарру.

А впереди ещё несколько деревень на берегу моря Сулу южного Палавана: Софронио-Эспаньола, Брукс-Пойнт, Батараз. Поселки, основанные испанцами, американцами и местным населением, ждали своего часа на освобождение.

— Сержант Ли! — Чэнь позвал старшего корректировщиков. — Связь с Дмитриевым!

Какую удобную штуку придумали русские. По ней можно всегда договориться, чтобы канонерки подкинули батальон до Софронио-Эспаньолы, как сделали это с Нарру...

Глава 4

17 июня 1902 года. 06 часов 00 минут. Южно-Китайское море, бухта 2 километра юго-западне деревни Ризал, южный Палаван.

Рассвет над Южным Палаваном поднимался медленно, словно нехотя, окрашивая небо в оттенки расплавленного золота и багрянца. Деревня Ризал, прилепившаяся к берегу защищенной рифами бухты, еще спала, укутанная предрассветной дымкой. Воздух был густым и влажным, пахнувшим солью, гниющими мангровыми корнями и сладким ароматом цветущих орхидей, что цеплялись за стволы вековых бакайских деревьев.

Природа Южного Палавана в этом месте была щедра и безжалостна одновременно. Густые джунгли, подступавшие к самой воде, скрывали в своей чащобе кричащих макаков и ядовитых змей, оставляя в бухте лишь небольшой пляж. Мангровые заросли, переплетаясь корнями в причудливые арки, тянулись вдоль берега, создавая естественный лабиринт для небольших судов. Вода в бухте была изумрудно-зеленой у берега и переходила в глубокий сапфировый цвет там, где начиналось открытое море. На горизонте, там где небо и океан сливаются воедино, иногда возвышались, словно миражи в пустыне пики безымянных островов.

Но в это утро тишину бухты нарушал не крик птиц-носорогов или плеск дельфинов, а тихие голоса и плохо скрываемое движение.

На скрытой от посторонних глаз поляне, в полутора километрах от деревни, собрались люди. Сотни воинов — таусуги, самалы и ирануны — бесшумно готовились к выходу в море. Их парусные лодки винта и быстроходные гарай были скрыты в мангровых протоках, замаскированы ветвями и листьями. Но некоторые лодки перевернутыми лежали на пляже.

На окраине поляны, ближе к джунглям, под сенью гигантского фикуса, стояли три человека.

Селунгун — высокий, жилистый мужчина лет сорока пяти с лицом, изборожденным шрамами и морщинами от солнца и соли. Его глаза, темные как безлунная ночь, смотрели на мир с холодным расчетом хищника. На поясе висел тяжелый криз с волнистым клинком, рукоять которого была украшена резьбой в виде статуэтки морского бога. Он был легендой на архипелаге Сулу — человеком, который ускользал от испанцев, водил за нос американцев, игнорировал султана и теперь бросал вызов самозванному королю Палавана.

Рядом с ним стоял Дату Малиалис из Динаса — тучный, мощный человек с хитрым прищуром глаз. Его богатая одежда, расшитая золотыми нитями, выдавала в нем человека статуса и власти. Малиалис был не просто воином — он был политиком, человеком, который понимал выгоду и умел извлекать её из хаоса. Его связь с Селунгуном была проста: взаимная выгода. Малиалис поставлял людей и информацию, Селунгун — добычу и влияние.

Третий, Амиль, заместитель Селунгуна, был полной противоположностью Малиалису — худой, быстрый, с нервными движениями ящерицы. Он отвечал за разведку и скрытое нападение.

— Королевство в Северном Палаване еще слабое, их победа на Луссоне — заслуга Малавара. «Говорят у короля мало войск», — сказал Селунгун низким, хриплым голосом, рисуя палкой на земле карту. — Гарнизоны разбросаны, их люди не знают этих вод. Мы ударим быстро, возьмем рабов, жемчуг, абак... И главное. Свергнем короля и возьмём власть. Король Палавана Селунгун I. Это звучит неплохо.

— Но другие ждут пиратов из Борнео, — перебил его Малиалис, поправляя золотое кольцо на пальце. — Почему мы должны спешить?

— Потому что тот, кто приходит первым, получает лучшую добычу, — отрезал Селунгун. — И потому что я не намерен делить славу с борнейскими крысами. Тем более не намерен делить с ними власть.

В этот момент из-за деревьев вышел четвертый человек.

Он был не похож на остальных. Высокий, с бледной кожей, до красноты обожженной солнцем, в светлом льняном костюме, который выглядел нелепо в этой дикой природе. На голове — пробковый шлем. Его звали Артур Пендлтон-Смит, эмиссар Британской Ост-Индской компании, хотя официально он представлял интересы короны в Борнео и был сотрудником Форин офиса.

Пендлтон-Смит говорил на отличном таусугском, выученном за годы службы в Лабуане. В его руках был небольшой кожаный портфель.

— Салам алейкум, благородные воины Сулу, — произнес он с легким поклоном. — Король Англии приветствует вас и желает победы над вашими врагами.

Селунгун посмотрел на него с подозрением. Американцы, испанцы, теперь британцы... Все чего-то хотели от него. Все хотели использовать в своих интересах.

— Чего хочет твой король, оранг путех (белый человек)? — спросил он грубо. — Что ему понадобилось так далеко от его земли?

Пендлтон-Смит улыбнулся, ничуть не смутившись. Он открыл портфель и вынул несколько предметов:

— Мой король знает, что вы — истинные властелины морей. Он знает, что сначала испанские, потом американские собаки захватили ваши земли, осквернили ваши мечети, запретили вашу торговлю. — Он выложил на камень несколько золотых соверенов, сверкающих в лучах рассвета. — И он предлагает вам союз.

Малиалис наклонился, его глаза заблестели при виде золота.

— Какой союз? — спросил он.

— Простой, — Пендлтон-Смит поднял палец. — Вы совершаете набег на Северный Палаван. Вы захватываете рабов для работы на наших плантациях в Северном Борнео. Вы продаете нам рабов, жемчуг и сокровища. А мы... — он сделал паузу, — мы обеспечиваем

вам оружие. Современные винтовки. Патроны. И защиту британского флота, если американцы попытаются вас преследовать.

Селунгун молчал. Его ум быстро работал. Оружие... Это было то, чего ему не хватало. С винтовками он мог бы стать настоящим султаном, объединить все острова Филиппинского архипелага...

— А что насчет «короля Палавана»? — вдруг спросил Малиалис, хитро прищурившись. — Ты говорил о сокровищах короля Палавана.

Пендлтон-Смит улыбнулся еще шире. Он достал из портфеля несколько листов бумаги, исписанных мелким и убогим подчерком.

— Ах, да. Вот все то, что захватили в Маниле и Кавите люди самозванного короля Палавана. — Он развернул бумагу. — Согласно нашим данным, в банке Манилы они захватили золото, драгоценные камни, священные реликвии... Мы считаем, что они могут быть в столице королевства Эль Нидо. Именно там сидит самозванец, именно там его казна.

Глаза пиратов загорелись. Сокровища самозванного короля... Это было больше, чем просто набег. Это было богатство, лежащее на столе. Просто протяни руку и возьми.

— И мой король готов заплатить щедрую награду тому, кто найдет эти сокровища, — продолжал Пендлтон-Смит. — Пять тысяч фунтов стерлингов золотом. И личный патент капера, делающий вас официальным агентом Британской империи. А сами сокровища мы обменяем на оружие по справедливой цене.

Селунгун медленно поднялся. Его тень упала на британца.

— Ты говоришь красиво, оранг путех. Но почему британцы не идут сами за этими сокровищами?

Пендлтон-Смит не смутился.

— Потому что мы умные люди, Селунгун. Мы знаем, что эти джунгли и воды принадлежат Вам. Мы уважаем Вашу силу. И мы предпочитаем иметь Вас как друзей, а не как врагов.

Наступило молчание. Слышен был только шум прибоя и крики просыпающихся птиц.

Наконец, Селунгун кивнул.

— Мы ударим на рассвете послезавтра. До того, как придут борнейцы. Добыча будет наша. Рабы — ваши, за оружие. Сокровища короля... — он усмехнулся, — мы найдем их сами. А дальше будет видно.

Пендлтон-Смит протянул ему руку.

— Инша Аллах, победа будет вашей.

Селунгун не пожал руку. Но он взял золото.

Когда британец ушел в сопровождении проводника, Малиалис подошел к Селунгуну.

— Ты веришь ему?

Селунгун смотрел на горизонт, где солнце наконец вырвалось из объятий ночи.

— Нет, — сказал он просто. — Но мне нужны его винтовки. А когда мы найдем сокровища короля Палавана... — он усмехнулся, — тогда посмотрим, кто кого использует.

Ветер с моря донес запах дождя и прелых водорослей. Где-то там, на севере, лежало золото самозванца. Где-то там на севере лежала корона. Его корона. И Селунгун намеревался забрать ее себе по праву сильного.

17 июня 1902 года. 17 часов 30 минут. Южно-Китайское море, бухта 2 километра юго-западне деревни Ризал, южный Палаван.

Рассвет уже состоялся — небо на востоке окрасилось в персиковые и алые тона, а море ещё хранило сумрачную синеву ночи. Лёгкий бриз шевелил пальмы на берегу, чайки кружили над водой, высматривая рыбу. Тишина, царившая над бухтой, должна была вот-вот разорваться.

Внезапно на фоне воды и неба появился силуэт миноносца «Борзый». Он шёл с севера на полном ходу, рассекая волны острым форштевнем. За ним, значительно отставая, двигались три канонерки — их тёмные корпуса покачивались на волнах, словно тяжёлые черепахи, не поспевающие за юрким хищником.

На мостике «Борзого» стоял прапорщик Ким Енрик — молодой, но уже немного опытный офицер. Его лицо было сосредоточенным, взгляд — твёрдым. Он знал: перед ним более трех тысяч пиратов, готовящихся выйти в море на сотнях лодок, чтобы побережье Палавана и разграбить его, а жителей ограбить и обратить в рабство.

Старый пират, с седой бородой, испещрённым шрамами лицом и мозолистыми руками, конопатил свою лодку на песчаном берегу пляжа. Он методично забивал паклю в трещину на борту, напевая под нос старую морскую песню о ветрах и сокровищах. Пальмы покачивались над головой, чайки кружили над бирюзовой гладью моря, а тёплый ветер доносил запах соли и водорослей.

Закончив с очередной щелью, старик разогнулся, потянулся, хрустнув суставами, и по привычке посмотрел в море — привычка, выработанная за пятьдесят лет жизни у воды. Взгляд его привычно скользил по горизонту, выискивая паруса, дымы, очертания кораблей, признаки непогоды или добычи.

Вдруг его рука замерла на поясице, спина выпрямилась, а глаза прищурились. Из-за северного мыса на большой скорости показался стремительный корабль с узким корпусом. А за мысом угадывались дымы еще нескольких кораблей.

— Тревога! Корабли в море! — крикнул он хриплым голосом, перекрывая шум пиратов, суесящихся на берегу.

Он вытер руки о потрёпанные штаны и вгляделся пристальнее. Сомнений не было: это были военные корабли. На флагштоке корабля развевался флаг — не испанский, не американский, не голландский. Незнакомый черный стяг с разбросанными по нему звездами.

Старик бросил инструмент, схватил лежащую рядом старую кремнёвую мушкетную винтовку и заковывал вверх по склону, к деревне.

— Тревога! — кричал он повторно, поднимаясь по тропинке. — Военные корабли! Все к оружию!

Эхо его крика разнеслось по бухте.

А «Борзый», величественный и грозный, продолжал приближаться.

Волны всё так же мягко накатывали на берег, пальмы шумели над головой, но мирный день на Палаване закончился.

Внезапно из рубки «Борзого» над всем заливом разлились звуки музыки. Атака «Борзого» началась под музыку Отава Ё – Сумецкая (<https://rus.hitmoz.org/song/79665226>). «Киндер» был верен себе.

Миноносец открыл огонь первым. 102-мм и 75-мм орудия дали залп, и снаряды угодили в толпу пиратов и в скопление их лодок у линии прибоя. Взрывы разметали тела и деревянные борты, разбрасывал людей и их части в воду. За ним последовали новые выстрелы.

Пираты, сначала растерявшиеся от неожиданности, быстро пришли в себя и запрыгнув в свои лодки и джонки устремились в море.

Мангровые заросли, переплетенные корнями в причудливые арки, тянувшиеся вдоль берега, создавая естественный лабиринт для небольших пиратских судов и служащие им укрытием, резко ожили. Десятки судов устремились в море, атакуя «Борзого».

Селунгун, стоял на носу своей флагманской джонки — высокий, с седой бородой и татуировками на руках. Он размахивал кривым мечом, пытаясь организовать контратаку.

— Вперёд! За мной! — кричал он, но его голос тонул в грохоте выстрелов. — принесите мне головы этих собак!

А накал битвы усиливался. Абордажники Глебова. Все двадцать человек, выстроившись на палубе вели огонь из штатного оружия и по словам «Киндера» отрабатывали упражнение по огневой подготовке «Ведение огня взвода с качающейся палубы». Самыми бескомпромиссными у Глебова оказались четыре пулемета ДП-44, сплошным стальным ливнем поливавшие пиратов.

Пираты, поначалу уверенные в своём численном превосходстве, растерялись. Их лодки, попавшие по огонь пушек и стрелкового оружия, зачастую лишившиеся управления, и сгрудившиеся посреди бухты, превратились в удобную мишень. «Борзый» маневрировал, ведя огонь левым бортом.

Море начало окрашиваться в красный цвет. Кровь растекалась по воде, смешиваясь с брызгами и пеной. Раненые пираты кричали, барахтались, пытались доплыть до берега, но кровь в воде тропического моря – это ...

В море разворачивалась другая, не менее страшная драма. Раненые и тонущие пираты, оказавшиеся в воде, стали добычей акул. Хищники, привлечённые запахом крови, появлялись из глубины — тёмные плавники рассекали поверхность, а затем в воде мелькали огромные пасти. Обезумевшие хищники в азарте охоты иногда выпрыгивали из воды.

Кто-то кричал, пытаясь отбиться, кто-то молча исчезал под водой. Те, кто ещё держался на плаву, в ужасе гребли к берегу, но многие уже не могли двигаться — их утаскивали вглубь. Любое движение в воде вызывало атаку акул, иногда даже нескольких.

Один из снарядов «Борзого» попал прямо в середину флагманской джонки. Взрыв разорвал дерево, отбросил людей в воду. Селунгун, потеряв равновесие, упал за борт. Он пытался вынырнуть, хватался за обломки, но водоворотом его затягивало вглубь. Ещё один снаряд упал рядом, подняв столб воды и осколков. Когда вода опала, Селунгуна уже не было видно — только кровавое пятно расплывалось на поверхности.

Его заместитель, Амил, находился в соседней морской лодке. Увидев гибель командира, он в ярости схватил ружьё и выстрелил в сторону миноносца — бессмысленно, почти наугад. — Убейте их! Убейте всех! — орал он, размахивая оружием, впад в безумную ярость.

Но следующий залп «Борзого» накрыл и его лодку перевернув ее. Амил упал в воду, а перевернувшаяся лодка ударившла его по голове бортом. Он попытался плыть, но осколочная рана в плече лишала сил, а последствия удара вызывали головокружение. Он тонул, хватаясь за обломки, но атаковавшая снизу акула-молот, прервала его агонию. Волны безмолвно сомкнулись над ним.

Малиалис, остался на берегу. Он пытался организовать оборону, собирая уцелевших пиратов и указывая на позиции у кромки воды.

— Стреляйте! Стреляйте по кораблю! — кричал он, размахивая саблей.

Но «Борзый», завершив манёвр, развернулся бортом и дал залп прямо по скоплению пиратов на берегу. Снаряд разорвался в нескольких шагах от Малиалиса. Взрывная волна отбросила его на песок, осколки поразили в грудь и живот.

Он упал на колени, затем опрокинулся на спину. Кровь хлынула изо рта. Он ещё пытался что-то сказать, поднять руку, но силы покидали его. Последний вздох сорвался с губ, и Малиалис замер, уставившись невидящими глазами в рассветное небо.

17 июня 1902 года. 18 часов 00 минут. Южно-Китайское море, джунгли возле бухты 2 километра юго- западне деревни Ризал, южный Палаван.

В это время оставшиеся на берегу пираты, видя гибель своих собратьев, и лишённые управления, в ярости метались по линии прибоя.

Песок под их босыми ногами был горячим, нагретым за день солнцем, а солёный ветер трепал лохмотья, оставшиеся от некогда ярких нарядов. Они сжимали в руках кривые ятаганы,

короткие абордажные сабли и тяжёлые пистолеты — оружие, которое сейчас казалось бесполезным. Вдалеке, на фоне бирюзовой глади моря, разворачивалась кровавая драма: их товарищи гибли под огнём корабля, а вода у бортов пиратских джонок окрашивалась в злоеущий багровый цвет и кипела от акул, лишая возможности спасения упавших за борт.

— Аллах акбар! — выкрикнул высокий пират с изуродованным шрамом лицом, вскидывая саблю к небу. — Они убивают наших братьев!

Его голос потонул в общем гвалте: кто-то проклинал неизвестных моряков, кто-то взывал к древним духам моря, а самые отчаянные бросались в воду, пытаясь вплавь добраться до кораблей — но их ждала та же участь, что и упавших за борт: акулы настигали их уже в десятке метров от берега.

Старейшина клана, седовласый пират по прозвищу Калим-Ятаган, стоял чуть в стороне, сжимая в руке потемневший от времени амулет. Его глаза, выцветшие от многолетних скитаний по морю Сулу, не отрывались от битвы. Он понимал: это не просто сражение — это конец эпохи. Палаванцы, а это были именно они, ибо больше некому, пришли всерьёз, и теперь их миноносец, стальной и неумолимый, как сама судьба, диктовал правила игры.

— Хватит метаться, как испуганные крабы! — рявкнул Калим, и его голос, усиленный годами авторитета, заставил пиратов замолчать. — Мы не станем бросаться в море на верную смерть. У нас есть порох и патроны, есть винтовки и ружья, и у нас есть берег. Если они решат высадиться — встретим их здесь. Пусть узнают, что значит гневить хозяев Сулу!

Пираты переглянулись. В их глазах ещё горела ярость, но к ней примешалось что-то новое — уважение к хладнокровию старейшины. Они начали быстро, но не организованно отступать от кромки воды вглубь берега, сгрудившись недалеко от центра поляны.

Над морем по-прежнему разносились залпы орудий, крики раненых и пронзительные вопли чаек, слетавшихся на кровавый пир. Но на берегу теперь царила иная атмосфера: слепая ярость сменилась холодной решимостью. Пираты моря Сулу готовились к последнему бою. Они знали: если королевские прихвостни решатся высадиться, то каждый камень, каждый куст станет ловушкой, а песок этого пляжа окрасится не только в красный, но и в цвет палаванской крови.

Вторая рота третьего батальона Порт-Артурского крепостного полка — она же вторая рота первого батальона пулемётного полка королевства Палаван — немного заблудилась и опередила остальные батальоны морской пехоты, застрявшие в деревне Ризал.

Ведомая двумя поколениями русских офицеров. Первое — начала 20-го века, то которое никого никогда не водило и даже не имело карт, ибо генералы вели его или офицеры Генерального штаба. Второе — первой половины 21-го века, имевшее карты... В каждом телефоне... Но без навигационных спутников и Интернета...

В общем батальон не мог не заблудиться.

Командовавшие ротой поручик Дементьев Иван Семёнович и его военный советник, старший лейтенант Гнедой Артём Иванович (из «Африканского корпуса»), в простонародье прозванный «Конь», провели роту мимо Ризала. И, как водится, вляпались в самое дурно пахнущее место: вместо широкой тропы, ведущей к деревне, солдаты оказались в узкой ложине, окружённой густыми джунглями. Воздух здесь был тяжёлым, пропитанным запахом гниющих листьев и стоячей воды.

Солдаты, продиравшиеся сквозь лианы и колючие кустарники, едва успели перевести дух и вытереть пот со лба, как вдруг всё изменилось в одно мгновение. Воздух, до того наполненный стрекотанием насекомых и криками тропических птиц, разорвал нечеловеческий вопль.

Из-за деревьев, на большой поляне, на расстоянии всего в двести метров, показались пираты моря Сулу. Их было не меньше двух тысяч: смуглые, всклоченные, с кривыми ятаганами и абордажными саблями в руках. Лица искажала ярость — они искали выход для гнева после гибели товарищей у моря. Увидев вышедших из джунглей солдат, пираты сначала рас-

терялись, а затем с дикими криками бросились в атаку. Впереди мчался высокий пират с татуировкой дракона на груди и большим ятаганом — судя по всему, их вожак.

— К бою!!! — чисто на рефлексах крикнул Гнедой, выхватывая пистолет и отпрыгивая в сторону, чтобы не оказаться на линии огня своих солдат. — Огонь!!!

Приученные долгими тренировками к мгновенному выполнению команд, бойцы попадали на землю, укрываясь за стволами деревьев и выступающими корнями, и моментально открыли огонь — даже быстрее, чем смысл команды был осознан их мозгом.

Треск пулеметных выстрелов разорвал тишину джунглей. Пули свистели, впиваясь в стволы, сбивали листья и ветки, высекали искры из камней. Несколько десятков пиратов повалились на землю, остальные на миг замешкались — и атака захлебнулась.

Но вожак пиратов, размахивая ятаганом, заорал что-то на своём языке, и пираты, подбадривая себя новыми криками, бросились вперёд с удвоенной яростью.

— Держать строй! — рявкнул Дементьев, перекатываясь к новому укрытию и делая выстрел. — Не давать им сблизиться! Целиться в вожака!

Гнедой, перезаряжая пистолет, оценил обстановку. Пиратов было больше, и они знали эти места куда лучше. Если позволить им окружить роту или затянуть в чашу, исход мог оказаться плачевным. К тому же лощина не давала возможности для манёвра — отступить было некуда.

— Гранаты! — отдал он новую команду. — Бросайте вперёд, не давайте подойти вплотную! Гранатами, огонь!

Несколько солдат выдернули кольца и метнули гранаты в сторону наступающих пиратов. Грохот взрывов, крики раненых — атака снова захлебнулась.

К чести пиратов, ни один не побежал назад. До рукопашной им не хватило каких-то двадцати метров. Именно на таком расстоянии легли последние из почти двух тысяч атаковавших — их тела усеяли землю, создавая жутковатый ковер из неподвижных и слегка шевелящихся и стонущих фигур, оружия и ключев яркой тропической растительности, вырванной в пылу атаки гранатами и огнем пулеметов. Среди разбросанных ятаганов и абордажных сабель виднелись яркие лоскуты одежды — красные, синие, жёлтые, — контрастировавшие с тёмной землёй и зеленью джунглей.

— Фига се! — тихо сказал Гнедой, оглядывая поле боя. Его голос прозвучал непривычно хрипло после грохота выстрелов и взрывов. Он машинально вытер рукавом пот со лба, размазав по лицу копоть. — Это кто же их теперь хоронить будет?

— Перегруппироваться! — приказал Дементьев. — Укрепить позиции! Рядовой Ковалёв, свяжись с остальными батальонами — доложи обстановку! Сержант Морозов, проверь раненых!

Бойцы-пулемётчики начали медленно вставать, отряхивая грязь и листья с мундиров. Для многих это был первый бой на такой короткой дистанции, и зрелище, представшее перед ними, оказалось слишком тяжёлым. Некоторые, не в силах совладать с потрясением, отходили в сторону и опорожняли желудки, другие просто стояли, невидяще глядя перед собой, сжимая в побелевших пальцах оружие. Воздух наполнился запахами пороха, железа и влажной земли, к которым примешивался сладковатый аромат тропических цветов — будто сама природа пыталась заглушить следы человеческой жестокости.

Унтер-офицер Семён Семёнов, молодой парень с веснушчатым лицом и ещё не огрубевшими чертами лица, подошёл к Гнедому, дрожащими руками поправляя ремень пулемёта. Его форма была перепачкана грязью, на рукаве виднелась свежая царапина. От волнения он смешал все известные ему обращения:

— Ваше благородие, товарищ старший лейтенант, это что же... мы как мясники... Неужели так всегда будет? — голос Семёнова дрожал, а в глазах стояли слёзы, которые он изо всех сил пытался сдержать.

Гнедой тяжело вздохнул, положил тяжёлую руку на плечо унтера и слегка сжал его, стараясь передать ему хоть каплю своей уверенности.

— Нет, Семёнов, — твёрдо произнёс он, глядя прямо в глаза солдату. — Мы не мясники. Мы солдаты. Мы защищали свои жизни и выполняли приказ. Эти люди шли убивать нас — мы просто оказались сильнее. Это война, а на войне убивают. Но запомни: мы не наслаждаемся этим. Мы делаем то, что должны. Есть такая профессия Веру, Царя и Отечество защищать.

Он обвёл взглядом роту, где каждый боец переживал случившееся по-своему: кто-то, присев на корточки, нервно курил самокрутку, пальцы его дрожали, другие, стоя, беззвучно молились, шевеля губами, третьи, самые юные, уткнувшись лицом в ладони и тихо плакали, пока старшие товарищи похлопывали их по спине.

— Командиры взводов, — громко и чётко отдал приказ Гнедой, — проверить личный состав! Оказать помощь раненым, собрать оружие и боеприпасы. Сержант Морозов, организуй дозор — пусть выставят посты на флангах. Не расслабляемся: пираты могли оставить наблюдателей, и мы не знаем сколько их еще осталось.

Солдаты быстро перестроились, занимая более выгодные позиции среди деревьев. Кто-то рыл неглубокие окопы, кто-то подносил боеприпасы.

Поручик Дементьев, до этого молча наблюдавший за происходящим, подошёл ближе. Его обычно весёлое лицо было серьёзным, под глазами залегли тёмные круги.

— И ещё, — добавил он, — пусть соберут трофеи. Ценные вещи, документы, оружие — всё, что может пригодиться. Но с уважением к павшим — никаких мародёрств.

Солдаты начали выполнять приказы, постепенно приходя в себя. Кто-то помогал товарищу перевязать рану, кто-то собирал разбросанные трофеи, кто-то просто глубоко дышал, пытаясь унять дрожь в руках.

Дементьев, немного успокоившись, спросил почти шёпотом:

— А их... как же их похоронить?

Гнедой посмотрел на поле боя, где неподвижно лежали сотни тел, и ответил: — Завтра пришлют похоронную команду из местных. А пока — пусть полежат. Природа позаботится. Нам же нужно отдохнуть, разобраться куда нас занесло, и быть готовыми к следующему дню. Война не закончилась, Семёнов. И наша задача — выжить и победить.

Солнце сместилось к западу, утрачивая свою яростную жару. Лучи устремившегося к закату солнца пробивались сквозь кроны деревьев, окрашивая кровавое поле боя в багряные тона. Солдаты второй роты, ещё недавно простые люди в форме, теперь стали воинами — и этот день они запомнят на всю жизнь.

А в море пиратская флотилия была разгромлена. Лодки горели или тонули, оставшиеся в живых пираты сдавались либо разбегались в джунгли. «Борзый» замедлил ход, осматривая акваторию. Канонерки наконец приблизились, готовые поддержать, но помощь уже не требовалась.

Прапорщик Ким Енрик вытер пот со лба и выдохнул. Он очень устал. Переход через Южно-Китайское море, потом погрузка угла и сразу в бой.

Солнце сместилось к западу, утрачивая свою яростную жару, освещая бухту, где ещё недавно кипела битва. Море, окрасившееся в красный, постепенно очищалось, а ветер доносил запах соли, гари и пороха. «Борзый» дал короткий гудок — сигнал победы и сделал маневр, который Глебов называл «полицейский разворот» устремился к выходу из бухты. А над водой плыла песня «Прощание славянки» (<https://rus.hitmoz.org/song/77411109>). Глебов был не исправим.

17 июня 1902 года. 18 часов 15 минут. Южно-Китайское море, джунгли возле бухты 2,5 километра юго- западне деревни Ризал, южный Палаван.

Воздух в тропическом лесу был густой и душной, пронизанной стрекотанием насекомых и отдалёнными криками птиц. Британский резидент Артур Пендлтон-Смит наблюдал за боем «Борзого» с флотом пиратов.

— Они вооружили миноносец крупным калибром. — шептал он. — Это же теперь легкий крейсер со скоростью миноносца. Надо срочно доложить это в Гонконг. У Палавана есть флот. А это за музыка? Русская? Так за ними русские, а не немцы? Срочно доложить.

И не очень далеко от него прозвучало:

— К бою!!!

— Огонь!!!

Треск винтовочных выстрелов разорвал тишину джунглей.

— Держать строй!

— Не давать им сблизиться! Целиться в вожака!

— Гранаты!

— Бросайте вперёд, не давайте подойти вплотную! Гранатами, огонь!

Артур Пендлтон-Смит бежал, спотыкаясь о выступающие корни деревьев и цепляясь за лианы. Он слышал за спиной команды на русском языке. Это очень ценная информация.

Единственное, чего не знал британский резидент, что беспилотник «Рубикона» ведет его с момента встречи с главарём пиратов.

Внезапно подножка, ловко поставленная одним из спецназовцев, заставила его потерять равновесие. Артур рухнул на землю с глухим стуком, воздух вышибло из лёгких — он не мог ни вдохнуть, ни закричать.

Опомниться британцу времени не дали. Из тени деревьев возникла бесформенная фигура в камуфляже «леший» — лицо в боевом гриме и маскировочный костюм сливались с окружающей растительностью, делая бойца почти невидимым в ночи. Спецназовец молниеносно набросился на Артура и прижал его к земле, зафиксировав руки за спиной.

— Зеленый Джек! — только и успел закричать британец, когда перед его глазами возникла физиономия лейтенанта Леонова. Лицо офицера было раскрашено в боевой грим — чёрные и зелёные полосы подчёркивали скулы и глазницы, делая его похожим на лесное чудовище.

Реакция Артура была мгновенной и чисто физиологической: сначала участилось сердцебиение, потом выступил холодный пот, мышцы свело судорогой, а дыхание стало прерывистым. Организм отреагировал на сильнейший испуг всеми доступными способами — и, не выдержав напряжения, британец потерял сознание. А потом мышцы расслабились...

Леонов осторожно проверил пульс на шее резидента — тот был частым, но ровным.

— Жив, — коротко бросил он своим бойцам. — Но сука воняет! Как тащить будем, противогазы то не захватили.

Один из бойцов аккуратно похлопал Артура по щекам. Британец застонал, медленно приходя в себя. Вокруг него стояли тени в маскировочных костюмах — те самые люди, о которых ходили легенды.

— Тоже вариант. — подытожил Леонов. — Пойдет сам.

Глава 5

17 июня 1902 года. 18 часов 30 минут. Кучинг столица королевства Саравак, берег реки Саравак.

Кучинг, столица Королевства Саравак, гудел как растревоженный улей. Город, раскинувшийся на берегах могучей (для Борнео) реки Саравак, словно оживал в преддверии грандиозного события: флот готовился к отплытию на королевство Палаван.

Река Саравак в этот час казалась особенно величественной. Широкая, полноводная, она несла свои мутно-коричневые воды мимо городских причалов — цвет объяснялся глинистыми отложениями и гумусом из джунглей в верховьях. По берегам, густо заросшим тропическими деревьями, сновали рыбаки — они сворачивали сети и с любопытством поглядывали на суету у причалов.

Пальмы и фикусы склонялись над водой, их ветви сплетались над рекой, образуя тенистые арки. В кронах кричали попугаи, а где-то вдалеке слышалось уханье обезьян. Воздух был влажным и тёплым, напоённым ароматами: солью моря, рыбой, экзотическими специями с торговых рядов, влажной землёй после дневного ливня и тонким цветочным запахом орхидей, росших на стволах деревьев.

Над рекой висели клочья тумана от испарений, подсвеченные последними лучами заходящего солнца. Багряно-золотые блики играли на поверхности воды, а в глубине мелькали силуэты крупных рыб. Вдоль берега сновали маленькие лодки рыбаков, чья суета еще больше подчеркивала ответственность момента.

В воздухе разносился стук топоров и молотков — последние исправления перед отплытием. Матросы смолили последние швы, гребцы проверяли вёсла, воины раскладывали оружие. Рыбачьи лодки сновали между большими кораблями, доставляя провизию и послания родным.

На джонках развевались флаги с орхидеей и барсуком, на аутригерах трепетали разноцветные сигнальные вымпелы. Запах смолы, пота и тропических цветов смешивался с солёным морским бризом. Флот готовился к отплытию — десятки морских лодок и кораблей, от мореходных пирог до величественной «Белой орхидеи», ждали команды к отходу.

От причалов Кучинга отходила внушительная армада — флот 2-го белого раджи Чарльза Джонсона Брука, готовый к набегу на Палаван. Пять тысяч воинов разместились на десятках судов разного типа.

Быстроходных джонках — изящных и манёвренных. Их высокие носы украшали резные драконы, а паруса из промасленной ткани были расписаны символами Саравака: барсуком и полумесяцем. Узкие корпуса из прочного дерева позволяли им скользить по воде почти бесшумно.

Военные шхуны с низкими бортами. Их корпуса были выкрашены в тёмно-серый цвет, чтобы сливаться с ночным морем. На палубах виднелись расчёты у немногочисленных дульнозарядных пушек, проверяющие заряды. Паруса из плотной парусины были тоже с рисунком символов королевства.

Парусные шлюпы — патрульные и связные суда. Небольшие, но мореходные кораблики, обеспечивавшие связь между частями флота и патрулирование флангов. Размером до 30 метров в длину, с мелкой осадкой, что позволяло им действовать у побережья и парусным вооружением, состоящим из грота и стакселя.

Транспортные джонки — неуклюжие, но вместительные. Они тяжело осели под весом десанта, провизии, боеприпасов и снаряжения для пятитысячного войска. Матросы проверяли грузы, проверяли крепления перед долгим плаванием. Борты были обшиты дополнительной деревянной защитой от стрел и ружейного огня.

Морские лодки — большая часть флота. Массивные мелкосидящие лодки, их чёрные корпуса неуклюже переваливались на небольшой волне. Двигались при помощи 10–12 пар вёсел, а при попутном ветре поднимали один прямой парус.

Во главе строя величественно возвышался флагманский пароход «Белая орхидея» — символ власти и могущества Саравака. Это было настоящее чудо инженерной мысли (для Борнео), сочетающее традиции и инновации. Длина — около 80 метров, корпус из тикового дерева, обшитый медными листами для защиты от коррозии и древоточцев. Обшивка блестела в последних лучах солнца, отражая оранжевые и пурпурные оттенки.

Две высокие мачты несли паруса, но главным двигателем служила мощная паровая машина тройного расширения, способная развивать скорость до 14 узлов.

Нос украшала золочёная фигура белой орхидеи высотой в два метра — символа Саравака. Цветок был выполнен с поразительной детализацией: каждый лепесток, каждая прожилка были чётко видны.

Борта выкрашены в белоснежный цвет с золотой отделкой по ватерлинии и вдоль ору-
дийных портов. Палуба из полированного тика блестела, как зеркало.

На корме развевался штандарт первого адмирала белого раджи: чёрный орёл на золотом фоне, держащий в когтях меч и оливковую ветвь. Рядом реял военно-морской флаг Саравака — белая орхидея на синем поле.

Вооружение: шесть 120-мм орудий главного калибра на поворотных платформах, шесть скорострельных 76-мм пушек на верхней палубе.

Дымовая труба была выкрашенная в чёрный цвет с золотой полосой посередине. Из неё уже шёл густой дым — кочегары поднимали давление в котлах.

Команда, все сто пятьдесят человек работала на своих местах. Матросы проверяли такелаж, офицеры сверялись с картами.

Адмирал Генри Лоусон, командующий экспедицией, стоял на капитанском мостике «Белой орхидеи». Это был крепкий мужчина лет пятидесяти, с загорелым обветренным лицом и седыми усами. Его мундир украшали ордена за прошлые кампании, а на боку висела шпага с гравировкой «За доблесть».

Лоусон был известен своей дисциплиной и хладнокровием в бою. Он лично проверял готовность каждого судна, отдавая короткие, чёткие приказы. Его голос, привыкший перекрывать шум шторма, звучал уверенно и спокойно.

Рядом с ним находился старший штурман — капитан Джеймс Уилсон, который сверялся с картами и лотциями, прокладывая курс к Палавану.

Сам Чарльз Джонсон Брук, 2-й белый раджа Саравака, стоял на набережной, наблюдая за отплытием. Он не участвовал в походе — его присутствие требовалось в столице для поддержания порядка, переговоров с британскими резидентами и управления королевством во время отсутствия войск.

Раджа был одет в парадный мундир с орденами, его усы и пронзительный взгляд голубых глаз придавали ему внушительный вид.

Под звуки горнов и барабанную дробь флот начал движение. 700 миль до Палавана. «Белая орхидея», возглавляемая адмиралом Лоусоном, первой двинулась вниз по реке, за ней последовали остальные суда. Паруса наполнились вечерним бризом, паровые машины застучали, и армада, растянувшись на несколько миль, направилась к устью реки Саравак, а оттуда — в открытое море, к берегам Палавана.

Раджа Брук стоял на набережной до тех пор, пока последний корабль не скрылся из виду. Город провожал флот огнями факелов и криками толпы. Луна взошла над джунглями, освещая путь флоту, а река Саравак, словно живая, несла их вперёд — навстречу судьбе.

18 июня 1902 года 06 часов 00 минут. Река Бруней, Кампонг-Айер, столица Брунейского султаната.

Река Бруней горела золотом под поднявшимся солнцем. Тумана не было и в помине — небо над заливом стояло ясное, безоблачное, а воздух уже прогрелся до той густой, липкой жары, которая в июне обещает к полудню раскалить даже деревянный настил. Вода в главной протоке была чистой, бирюзовой у берегов и тёмно-синей на фарватере, и в ней отражались сотни мачт, вытянувшихся вдоль столицы султаната.

Кампонг Айер просыпался на сваях, как просыпался уже столетиями. Тысячи домов, соединённых шаткими мостками и лестницами, спускавшимися прямо к воде, сегодня казались теснее обычного. Вместо привычной торговли рисом и специями набережные кишели воинами, грузчиками, лоцманами и провожающими. Женщины в ярких саронгах сегодня не вывешивали бельё, а молча передавали мешки с сухарями и фляги с пресной водой мужьям. Воздух звенел от переключек на брунейском малайском, от лязга железа, от скрипа канатов. Солнце било прямо в глаза, отбрасывая чёткие тени от резных навесов и парусов, ещё не поднятых до конца.

Над дворцом султана, стоящего на самых массивных дубовых сваях в центре поселения, уже не развевался скромный флаг вассала британцев. Сегодня над резиденцией Хашима Джалилул Алама Акамаддина развевался древний стяг — золотой полумесяц на изумрудном шёлке. Султан, человек тонкий, знающий цену дипломатии и цену потерь, сделал выбор. Не ждать, пока британский резидент окончательно превратит султанат в протекторат. Не смотреть, как Саравак и Северное Борнео отрезают его от моря. Палаван. Остров, чьи берега помнили брунейских адмиралов. Остров, откуда выкинули испанцев, где американцы ещё не закрепились, где рисовые долины и скрытые бухты ждали тех, кто осмелится вернуть себе то, что когда-то принадлежало им по праву.

Пять с половиной тысяч человек. Не регулярная армия, а сплав иранунских воинов, самальских лоцманов, бывших моряков султанской гвардии, китайских контрабандистов и племенных старшин, собравшихся по зову золотого полумесяца. Протока у подножия дворца была забита кораблями. Тяжёлые «ланчаны» с высокими, украшенными резьбой кормами. Быстрые «пенджаджапы» с латинскими парусами. Старые торговые джонки, переделанные под десантные транспорты. Сотни лёгких прау с аутригерами, готовых к высадке на мелководье. Мачты стояли сплошным лесом. Парусина, ещё свёрнутая, отбрасывала длинные тени на палубы.

На палубах кипела работа. Воины в набедренных повязках и потускневших мундирах проверяли ружья, крисы, копья. Лоцманы сверяли компасы с солнцем, которое уже поднялось над восточным горизонтом.

Капитаны и лоцманы переключались, называя рифы, течения, скрытые входы в бухты Палавана, которые они помнили по старым лоциям и отцовским рассказам.

На главной палубе флагмана — тяжёлого ланчана «Махкота Лаут» восьмидесятиметрового парохода с сильным парусным вооружением, вооруженного четырьмя 102-мм и шестью 76-мм пушками — стоял «Панглима Бесар» — это не имя, а высший военный титул («Верховный главнокомандующий»). Дато Панглима Бесар Хаджи Абдул Рахман бин Пандука Индра. Но в бою его называли кратко Абдул Рахман или Панглима Бесар.

На нём была традиционная рубаха из белого шёлка, парчовый жилет, тенголок с золотой пряжкой. На поясе — государственный крис в изумрудных ножнах, символ главнокомандующего. Дато выглядел тонким рядом с тучными татуированными вождями, но в его глазах не было сожаления об этом. Напротив, он всегда гордился своей подвижностью в бою. Только решимость человека, который понимает, что власть это бремя, и по большей части тяжелое бремя. Власть над пятью с половиной тысячами человек. И ответственность за них...

Панглима Бесар поднял руку. Три удара в большой медный гонг у грот-мачты. Звук, чистый и звонкий, разнёсся над водой, заглушив крики чаек и шум реки.

Паруса начали раскрываться. Десятки парусов. Белые, грязно-серые, коричневые, полосатые. Они надувались под утренним бризом, словно лёгкие, делающие первый вдох после долгой спячки. Вёсла поднялись одновременно — сотни вёсел, блеснувших на солнце. Корабли начали двигаться, выстраиваясь в колонну, выходя из узких протоков в широкое устье реки Бруней.

На сваях, на мостках, на крышах стояли люди. Женщины, дети, старики. Они молчали. Не было криков. Только шёпот молитв и слёзы на глазах тех, кто провожал сыновей и мужей. Они знали: многие не вернутся. Но это был первый раз за тридцать лет, когда Бруней не ждал приказа из Лондона, а действовал сам. Хот и по приказу из Гонконга, но в своих интересах.

Молчал султан Хашим Джалилуль Алам Акамаддин, погруженный в мечты о захвате Палавана и свержении его самозванного короля. Саравак и Сандакан идут просто пограбить Палаван, а Бруней идет на захват.

Флотилия выходила в море Сулу. Впереди шли разведывательные прау, за ними — основные силы, на флангах — тяжёлые ланчаны с поворотными дульнозарядными пушками. Панглима Бесар стоял на корме, сжимая рукоять криса. Он не смотрел назад. Он смотрел вперёд, туда, где в трёхстах милях за горизонтом лежал Палаван.

Брунейский залив. Ветер усилился. Паруса наполнились полностью. «Махкота Лаут» накренилась, набирая ход. Вода закипела под форштевнем. Солнце било справа, освещая путь. Корабль шел под парусами. Его паровая машина была слишком быстрой для остального флота, надеющегося на паруса и весла.

Наконец Бруней вернулся в море. Не как вассал. Не как призрак. Как сила, которая слишком долго ждала. И теперь пришла забрать свое.

18 июня 1902 года 11 часов 00 минут. Сандакан столица Британского Северного Борнео (под управлением Британской компании Северного Борнео).

Утро над заливом лежало тяжёлым, влажным покрывалом, пропитанным солёным дыханием моря Сулу и запахом прелых мангровых корней. Вода стояла неподвижно, лишь изредка вздыхала у деревянных свай, оставляя на них тёмные, блестящие полосы отлива. Где-то в камышах крикнула цапля, и эхо покатилося по склонам трёх холмов, сжимающих бухту в свои зелёные объятия. Обычное утро. Июньская духота уже разогнала предрассветную прохладу, и воздух уже казался раскаленным и плотным.

Сандакан давно проснулся. На набережной давно открылись ставни китайских лавок, уже слышался глухой стук молотков по доскам: кули-грузчики в конических шляпах и набедренных повязках проверяли лебёдки, перетаскивали канаты, готовили причалы к очередному приёму каботажных шхун. Дым от первых очагов в малайском кампунге, лепящемся вдоль протоки, смешивавшийся с запахом жареной рыбы, сушёного перца и мокрого дерева, уже давно рассеялся. Выше, на пологом склоне холма, где стояли виллы чиновников Британской Североборнейской чартерной компании, отражая солнце, горели золотой желтизной окна. Телеграфный оператор в административном здании уже клал ладонь на медный ключ, ожидая первой смены кодов с Сингапуром. Англиканская церковь Святой Марии, чей шпиль только начинал проступать из дымки, хранила молчание. Служба прошла. Город жил по расписанию империи: колокол на пристани, смена караула сикхских полицейских, скрип телег с ящиками табака и мешками каучука. Но это утро нарушало ритм.

За внешним рифом, отделявшим бухту от моря Сулу, где под раскаленными лучами солнца, поднимались мачты. Не одна, не десять — десятки. Тяжёлые «гарайи» с обшитыми медью днищами, лёгкие «винты» с латинскими парусами, переделанные торговые джонки с рифлёными крыльями из парусины. Они выходили из скрытых протоков и отмелей, словно лес, сдвинутый с места приливом. Пять тысяч человек. Не регулярная армия, а сборная солянка пиратов, бывших матросов и всяких отщепенцев, которые десятилетиями гоняли друг друга по архипелагу, а теперь они шли одним строем. На палубах звенели цепи, заготовленные для рабов, лежали канаты, перекликались команды на ломаном малайском, иранунском и южном пиджине. Никакого пара. Никаких гудков. Только ветер, дерево, парусина и дыхание пяти тысяч лёгких. У этого флота — один пароход и он же его флагман.

С набережной за этим зрелищем наблюдали молча. Малайские рыбаки опускали сети для прохода судов, китайские купцы замерли с чаем в руках, сикхские полицейские в тюрбанах переглядывались, не решаясь тронуться с места.

На борту флагмана эскадры, семидесяти пятиметрового парохода «Борнео», вооруженного четырьмя 120-мм и шестью 76-мм пушками, разговаривали губернатор Северного Борнео Чарльз Джеймсон Вудс и адмирал Британской компании Северного Борнео Джеймс Витсон.

— Господа из Гонконга хотят, чтобы мы сделали за них и для них грязную работу. — сдерживая злость сказал губернатор. — Их представления о чести весьма гибкие. При условии ее наличия.

— Захватить для них Палаван за счет наших ресурсов. — ответил адмирал. — Их указания явно намекают на это.

— Джеймс, я даю Вам прямые указания не ввязываться в бой первым. Пусть вперед лезут Бруней, Саравак и Гонконг. А когда они обломаются мы заберем для компании Палаавн.

— Сэр, я думаю, что губернатор Палавана Джеймс Витсон звучит очень даже неплохо.

— Я услышал Вас Джеймс. — ответил губернатор, спускаясь по трапу. — Обещаю, что при успехе предприятия, я назначу Вас управляющим Палавана, а потом преобразую должность в губернаторскую.

Лёгкий бриз шевелил верхушки пальм на побережье, волны мягко накатывали на коралловые рифы, рассыпаясь мириадами сверкающих брызг в ярких лучах солнца.

В глубокой бухте Сандакан, надёжно укрытой от океанских штормов высокими скалистыми мысами, флот Британской компании Северного Борнео. Начал выход в свой поход против палавана, самозванного королевства. Пятьдесят кораблей — от крупных парусных до юрких шлюпов и вооружённых джонок — снимались с якорей, выстраиваясь в три кильватерных колонны.

В авангарде центральной колонны шел «Борнео» — гордость компании.

Левую колонну возглавлял бывший британский корвет «Северная звезда» — корабль с изящными обводами, выкрашенный в тёмно-синий цвет с белой ватерлинией и вооруженный восьмью 76-мм пушками.

Во главе правой колонны «Борнейский торговец» — переоборудованный купеческий корабль, с высокими надстройками и вместительными трюмами. несущий шесть 76-мм орудий,

За ними следовали: восемь вооружённых шлюпов — быстрые и манёвренные, с косыми парусами, вооруженные дульно-зарядными орудиями, полтора десятка шхун и бригантин — для разведки и связи, двадцать джонок и сампанов местного образца, набитых пиратами и наёмниками, вооружёнными винтовками, мушкетами, крисами и копьями.

На палубах суетились матросы, флаги трепетали на утреннем ветру, а боцманы хрипло отдавали команды.

Когда последний корабль миновал узкий проход между скалами, море Сулу открылось во всей своей красе. Вода здесь была прозрачна, как стекло, — на глубине нескольких метров можно было разглядеть стаи разноцветных рыб, кораллы и песчаное дно.

Лёгкая зыбь покачивала корабли, паруса наполнились устойчивым пассатом. Над флотом кружили чайки и фрегаты, а вдалеке, на горизонте, виднелись силуэты островов архипелага.

Флот ложился на курс, растягиваясь в длинные кильватерные колонны. Впереди, на острие клина, шли самых вооруженных корабля с современными орудиями, за ними — шлюпы, затем шхуны и, замыкая строй, — пестрая армада джонок с пиратами.

Над «Борнео» трепетал флаг Британской компании Северного Борнео — синий с флагом метрополии в левом верхнем углу и львом в золотом круге.

Пять тысяч пиратов и наёмников двинулись к Палавану — море Сулу приняло их в свои объятия, а дневное солнце золотило паруса, обещая рабов и богатую добычу.

Флот шёл на северо-восток, огибая внешнюю кромку коралловых гряд, туда, где за двухсотмильной водной гладью, за проливами и островами, лежал Палаван. Это была не колониальная экспедиция. Это была орда, рождённая из десятилетий забытых обид, торговых запретов и карт, которые никогда не учитывали тех, кто знал это море лучше любых лочий.

Ветер усилился. Паруса надулись, тяжёлые, как крылья спящих птиц. Корабли один за другим пересекали линию внешнего бую, оставляя за собой пенные борозды на ещё неподвижной воде. В городе зазвонил колокол на пристани — не тревога, а сигнал смены вахты. Но все знали: этот день уже принадлежит истории. Телеграфный ключ застучал, передавая код в Сингапур и Гонконг. Флот уходил. И залив Сандакана, обычно тихий и предсказуемый, впервые за десятилетия дышал в унисон с морем, которое не знало границ.

Глава 6

18 июня 1902 года 12 часов 00 минут. Южно-Китайское море, 30 мил севернее острова Балабак, южный Палаван.

— Товарищи офицеры, я собрал Вас чтобы довести план предстоящих боев против агрессоров, решивших напасть на Палаван. — Иванов по привычке прохаживался по каюте. — Как стало понятно из допроса британского резидента. Англичанка гадит. Как, впрочем, и всегда. Иван Сергеевич доложите, что нам известно на данный момент.

— Товарищи офицеры, на настоящий момент достоверно известно следующее — начал доклад полковник Арсеньев, ныне начальник Генерального штаба королевства Палаван. — Британцы задумали захват Палавана из-за его полезных ископаемых, и его временной самостоятельности, которую они не признали. Для этого они снарядили эскадру и привлекли силы правителей Борнео. Беспилотники «Рубикона», направленные навстречу противнику, выяснили время его прибытия, а допрос британского резидента позволил уточнить остальные данные. Место встречи британцев и сил раджей Эль Нидо.

Силы правителей Борнео сильно растянуты и прибывают завтра, 19-го июня, по частям. Первыми, примерно в 7 утра прибывают силы Британского Северного Борнео. Ими командует адмирал Британской компании Северного Борнео Джеймс Витсон. Его флагман пароход «Борнео», четыре 120-мм шесть 76-мм современными пушками. Так же для нас опасными остаются еще два корабля. «Северная звезда» восемь 76-мм пушек и «Борнейский торговец» — шесть 76-мм орудий. Эта эскадра идет тремя колоннами, во главе которых три указанных корабля.

За ними часам к 12-ти подойдут силы Брунейского султаната, командует ими Дато Панглима Бесар Хаджи Абдул Рахман бин Пандука Индра. Ну или если проще Абдул Рахман или Панглима Бесар. Его флагман тяжёлый ланчан «Махкота Лаут» четыре 102-мм и шесть 76-мм пушек. Остальные корабли вооружены дульнозарядными пушками, стоявшими вероятно еще на испанских галеонах.

Ну и к вечеру, часам к 16-ти подойдут силы королевства Саравак, под командованием адмирала Генри Лоусона, на флагмане «Белая орхидея», вооруженном шестью 120-мм и шестью 76-мм пушками. Остальные корабли не сильно опасны, если не подпускать их на abordаж.

К вечеру 20-го ожидаем прибытия Британцев. При этом расчет прибытия Брунейцев проведен к острову Балабак, южный Палаван, а британцев к Эль Нидо.

Состав британской эскадры. Броненосец HMS «Альбион» типа «Конопус», 1898 года постройки

Броненосные крейсера типа «Кресси»: HMS «Кресси» - 1899 года и HMS «Сатледж» - 1899 года.

Бронепалубные крейсера: HMS «Харибдис» – 1893 года — крейсер 2-го класса типа «Эклипс». HMS «Минерва» - 1895года — крейсер типа Apollo. HMS «Фазетон», модернизированный в 1883, типа «Левандер»

Эсминец HMS «Альбатрос» (1900) — эсминец типа «Ривер».

Корвет HMS «Кронфлевер» (василек) постройки конца XIX века.

С ними двенадцать транспортов с десантом и припасами. Официально они вышли на учения.

Командует эскадрой контр-адмирал сэр Эдвард Хобарт Кэмпбелл, заместитель командующего Китайской станцией. Его заместитель капитан «Альбиона» Уильям Генри Смит

— Да, вовремя спецура британца прихватила. — задумчиво сказал Долгов.

— Товарищи офицеры, довожу план разгрома эскадр правителей Борнео. — Иванов вернул себе внимание подчиненных. — Громим из по очереди. По мере прибытия. Сначала прибывают силы Британского Северного Борнео, затем силы Брунейского султаната, силы королевства Саравак. План боя одинаковый. Изначально прячем флот за островом Балабак. По мере приближения противника выводим силы в нападение.

Сначала бронепалубный дивизион он быстрее канонерок. Его задача охватить противника с фланга и прижать к острову.

Затем 1-й дивизион канонерок с задачей разгрома с фронта. В лоб если хотите. Уверен, что четыре корабля для этого хватит.

И в конце, уже после завязки сражения 2-й дивизион канонерок, огибая остров с южной, противоположной стороны, для атаки противника с тыла и его полного окружения.

На остров перебросим пару батальонов морской пехоты, для препятствия высадке и сбора пленных.

Пулемётчиков пулеметного батальона распределяем по всем кораблям в целях обстрела противника на палубах и в целях противодействия abordажам.

Ближе двух-трех кабельтовых к кораблям противника не подходить.

Впервые присутствовавший на столь ответственном мероприятии и сильно робевший Ким Енрик, все ж набрался смелости и спросил:

— Товарищ адмирал, а «Борзый»? Какая моя задача?

— А Вам, мичман, как самому быстроходному кораблю нашего флота я разрешаю «свободную охоту». — ответил Иванов. — Следите за битвой. Нападайте там, где противник пытается вырваться из окружения, догоняйте убегающих. А до этого момента действуйте по своему усмотрению, только под огонь крейсеров и канонерок не подставляйтесь.

19 июня 1902 года 07 часов 00 минут. Южно-Китайское море, северная оконечность острова Балабак, южный Палаван.

Утро не наступало — оно выползало из воды, медленно словно оттягивая предстоящую кровавую бойню. Туман от испарений лежал тяжёлым, влажным пластом, пропитанным запахом гнилых водорослей, солёных брызг и далёкого, ещё невидимого дыма. На мостике вспомогательного крейсера «Африканец» царил напряжённое молчание. Лишь ровный стук машинного телеграфа да скрип влажного тика под сапогами нарушали предрассветную тишину.

Адмирал Иванов до этого момента, наблюдавший за приближением флота Британского Северного Борнео на экране телевизора, по данным БПЛА, поднес к глазам бинокль.

Сначала показались паруса. Не аккуратные, подшитые по-европейски, а грязно-белые, залатанные парусиной и непонятными кусками ткани, с нарисованными алыми глазами на них.

Пятьдесят кораблей — от крупных парусных до юрких шлюпов и вооружённых джонок — двигались в три кильватерных колонны.

В авангарде центральной колонны шел «Борнео» — гордость компании. Левую колонну возглавлял бывший британский корвет «Северная звезда». Во главе правой колонны «Борнейский торговец» — переоборудованный купеческий корабль.

На палубах кораблей стояли воины. Они стояли обнажёнными по пояс, кожи, тёмные от солнца и солёного ветра, были испещрены узорами: спирали, морские змеи, арабская вязь и древние тотемные знаки племён Сабаха. У многих в руках — крисы с волнистыми клинками, тяжёлые мачете, оружие: от винтовок до фитильных ружей, чьи стволы были обмотаны кожаными ремнями. На шее — амулеты: раковины каури, кусочки камней, зубы акул и животных, свёртки с сурами, перевязанные красной нитью. Зубы у многих почернены бетелем, губы выкрашены киноварью. Это были не случайные головорезы. Это были потомки морских кланов, чьи деды ещё в XVI веке наводили ужас на испанские галеоны.

За головными кораблями тянулись тяжёлые джонки. Их борта, выкрашенные в охра и чёрный, были увешаны плетёными щитами, бамбуковыми таранами и сетями с крючьями для захвата вражеских кораблей. На кормах качались медные каморы — старые португальские и испанские пушки, завозимые сюда поколениями.

Глядя на этот табор Иванов не мог отделаться от мысли, что это не рейд. Это — переселение войны. Табор. Цыганский табор.

И в центре этого хаоса, словно хищный кит среди стай макрели, шёл «Борнео».

Самый современный корабль — гордость Британской Чартерной Компании Северного Борнео, вооруженный пароход — плавучая крепость пиратов. Его корпус, ещё сохранивший следы заводской окраски, дополнительно был обшит листами котельного железа, приклёпанными наспех, но надёжно. На баке и корме стояли по две 120-ти миллиметровки, снятые с разбитых канонерок, а между ними — шесть 76-ти миллиметровок, по три на борт. На грот-мачте развевался не британский флаг, а флаг чартерной компании. Пароход тяжело дышал, выпуская клубы серого дыма, а на капитанском мостике, застланном тигриными шкурами, стоял он. Адмирал Британской компании Северного Борнео Джеймс Витсон.

Рядом с ним били в барабаны из буйволовой кожи — низкий, ровный ритм, от которого дрожали палубные доски. Воины повторяли удары, стуча древками копий о борта. Бум-бум-бум. Это был не просто марш. Это был пульс пяти тысяч человек, готовых пролить кровь за золото, рабов и славу. Это был ритм предстоящего боя.

На «Африканце» воздух стал звенеть от напряжения.

— Вперед! — голос Иванова прозвучал чётко, без дрожи. — Работаем по плану.

Давно ждавшие сигнала крейсера устремились вперед, стремясь охватить левую колонну пиратов, а медлительные канонерки выходя из-за острова сосредотачивали огонь на флагмане.

Для британского адмирала, привыкшего воевать с не вооружёнными нормальной артиллерией пиратами, и их в основном гребными судами, стремительный маневр крейсеров стал неожиданным, а левая колонна, попавшая под сильный огонь почти в упор, стала поворачивать и прижиматься к центральной. Три корабля уже горели. А затем выстрелы послышались с тылу. Кто-то атаковал транспорты.

Ким Енрик внимательно наблюдал за ходом боя. «Борзый» неспешно шел на удалении от канонерок и крейсеров.

— Вот оно! — воскликнул он. — В левой колонне шестнадцать кораблей. Двух крейсеров не хватает для полного охвата противника. Полный вперед!

И «Борзый», обходя крейсера устремился к хвосту левой колонны.

Вот наконец он центр левой колонны.

— Огонь! — команда Кима прозвучала достаточно громко.

Палуба «Борзого» задрожала, как натянутая струна, прежде чем выстрел разорвал воздух. Носовые орудия, окутанное клубами едкого дыма и солёной пыли, выдохнули пламя, и

корабль качнулся, будто споткнувшийся зверь. Под наблюдением мичмана расчёты работали в ритме, где каждая секунда высекалась не хронометром, а ударами пульса и грохотом стали.

Подача превратилась в безжалостный конвейер. Тяжёлые болванки, мокрые от конденсата и брызг, скользили по металлическим направляющим, обжигая ладони даже через промасленные перчатки. Заряжающие, согнувшись над лотком, вталкивали снаряды в казённый, пока наводчики, прильнувшие к прицелам, вылавливали цель в непрерывной тряске и солёном тумане. Ким Енрик стоял на командирском посту, голос его срывался на хрип, но команды летели чётко, сквозь рёв ветра и лязг механизмов.

Отдача вбивала станину в палубу, вырывая куски резинового покрытия и оставляя в воздухе запах жжёного пороха, машинного масла и озона. Ствол, раскалившись до тусклого свечения, шипел, когда на него накатывали брызги волн, но расчёт работал. Размерено, неотвратимо, как часы. Лоток подачи заклинило от деформации, двое матросов рванули его ломом, вены на их шеях вздулись, как перетянутые канаты... Пошел... Снаряд вошёл в казённый с глухим, плотным стуком. Затвор захлопнулся. «Огонь!»

Вспышка ослепила. Воздух сжался, затем ударил по ушам и грудной клетке, выбивая дыхание. Пустая гильза вылетела, с лязгом отскочила от ограждения, тут же подхваченная подносчиками, которые уже волокли следующую. Пальцы кровоточили от ожогов, плечи горели, в лёгких стоял удушливый туман, но механизм не останавливался. «Борзый» шёл на полном, а носовые орудия били, как сердце в лихорадке – тяжело, неумолимо, до последней капли сил. Бездушный конвейер смерти, работающий на воле людей.

Ким Енрик вытер со лба густую смесь пота, соли и копоти. Его глаза, узкие и цепкие, не отрывались от горизонта, где три цели горели, мерцая сквозь дымную пелену. Команда знала: передышки не будет. Работа продолжалась.

Джеймс Витсон, совершенно не готовый к современному бою, где скорости машин совершенно отличны от скорости парусов и гребных лодок. Но изворотливости ему было не занимать. Увидев, что канонерки, атаковавшие с тыла, значительно отошли от острова Балабак, он развернул «Борнео», получившее пока два попадания и усилиями команды, избавившейся с пожаров. Между берегом острова Балабак и кораблями правой колонны, «Борнео» устремился в бегство, стремясь обрезать канонерки с кормы.

— Ким, у нас беглец! — голос Глебова заставил Енрика вздрогнуть.

— Вижу! Полный ход!

Мичман сам стал к штурвалу и направил «Борзого» к беглецу, огибая канонерки второго отряда.

«Борнео» не успел вырваться из окружения. Восприняв идущего на него «Борзого» как минную атаку, капитан «Борнео» взял левее и со всего маху насадил корабль на мель. От удара матросы попадали на палубу и за борт, а корабль почти лег на борт, задрал вверх пушки правого борта, и уставившись в воду пушками левого борта.

Избиение пиратского флота продолжалось до 9 часов 30 минут. После чего остатки флота пиратов «Борнео», «Северная звезда» «Борнейский торговец» и три джонки сдались.

19 июня 1902 года 12 часов 30 минут. Южно-Китайское море, северная оконечность острова Балабак, южный Палаван.

Полуденное солнце стояло в зените, превращая поверхность Южно-Китайского моря в ослепительную гладь, по которой медленно расползались тяжёлые гребни волн. Эту гладь от остатков и обломков флота Северного Борнео уже расчистили Палаванцы, оставив незначительные следы прошедшего сражения.

В 12 часов 30 минут у острова Банкалан две эскадры снова сомкнулись в боевом порядке. Флот Палавана действовал по прежней схеме. Крейсера «Дерзкий» с «Нахальным», а затем канонерки первого дивизиона. Впереди крейсеров миноносец «Борзый».

Против них, растянувшись широкой дугой, двигалась армада Брунейского султаната. Сто десять джонок, парусных проа и быстроходных ланчанов образовали живую стену из дерева, бамбука и парусины. В центре массива, окутанный клубами угольного дыма, тянулся тяжёлый паровой ланчан «Махкота Лаут» — плавучая цитадель адмирала Абдул Рахмана, обшитая листовым железом и несущая на себе современные скорострельные пушки.

Первые залпы разорвали полуденную тишину почти одновременно. Орудия крейсеров и канонерок выплюнули длинные языки пламени, и над водой понеслись тяжёлые фугасные снаряды. Два упали впереди форштевня «Махкота Лаут», взметнув столбы солёной воды и щепы. Третий врезался в грот-мачту противника, разорвав такелаж и обрушив на палубу обгоревшие реи. В ответ брунейские джонки открыли огонь из носовых камор и малокалиберных орудий, но их снаряды, выпущенные с дальности свыше двух кабельтовых, чаще всего ложились в воду, оставляя лишь белые всплески. Дым от выстрелов смешивался с угольной гарью, создавая густую пелену, в которой корабли теряли чёткость очертаний.

Крейсера «Дерзкий» и «Нахальный» отделились от линии, совершив широкий охват с левого фланга и открыли перекрёстный огонь. Канонерки рассыпались веером, каждая, выбрав свою цель в гуще вражеских джонок. «Пендосс» и «Гонконг» приблизились на дистанцию картечного выстрела, их семидесяти пяти миллиметровки поливали палубы противника шрапнелью. Деревянные борта джонок разлетались щепками, осколки дерева ранили матросов, паруса загорались от попадания зажигательных снарядов, а экипажи в панике бросались за борт или пытались гасить пламя мокрыми парусами. «Охальник» и «Непочтительный» вели заградительный огонь по правому флангу, заставляя лёгкие суда противника сбиваться в кучу и сталкиваться бортами.

Лёгкие брунейские ланчаны и проа, пользуясь численным превосходством, ринулись на сближение. Под прикрытием дыма они сократили дистанцию до ста метров, но палаванские моряки встретили их плотным огнём из пулемётов. Приданные кораблям пулеметчики, зачистую страдая от морской болезни, поливали пиратов свинцовым ливнем, не пуская их на abordаж. Стволы раскалились докрасна, гильзы сыпались на палубу горячим дождём. Абордажная партия была в большинстве уничтожена, меньшая часть отошла назад к флоту султаната.

Наконец ударившие с тылу канонерки второго отряда заставили флот Брунея сгрудиться, и огонь кораблей Палавана велся куда-то туда. В кучу, которая уже горела. Из этой кучи прижимаясь к берегу Балабака вышел «Махкота Лаут» и устремился назад. Он бежал. Дато Панглима Бесар Хаджи Абдул Рахман бин Пандука Индра, сраженный осколком фугасного снаряда, не видел этого позора.

«Борзый», оторвавшись от колонны, скрылся за дымовой завесой. Его тонкий корпус рассёк волну, оставляя за собой лишь белый бурун. На мостике «Махкота Лаут» заметили угрозу слишком поздно — орудия флагмана развернулись, но скорострельные пушки не успели сделать пристрелочного залпа. «Борзый» выпустил мину Уайтхеда с дистанции в два кабельтова. Белый шипящий след прорезал воду и врезался в правый борт ланчана чуть ниже ватерлинии. Взрыв разорвал корпус изнутри. Пламя вырвалось из машинного отделения, перекинувшись на угольные ямы и паровые котлы. «Махкота Лаут» резко накренился, корма погрузилась в воду, а из переколотых палуб хлынул чёрный дым. Корабль потерял управление, и выскочил на рифы острова Балабак. Рифы не дали ему затонуть. Но как боевая единица он перестал существовать.

— Енрик, второй раз выходишь в торпедную атаку. Наконец повезло! — зубоскалил Глебов.

— Надо же мне людей тренировать. Вот и провели практический пуск. Тем более Иванов разрешил. — ответил мичман.

Подрыв флагмана сломил боевой дух Брунейской армады. Без централизованного управления джонки и ланчаны начали мешать друг другу, сталкиваясь бортами и сбивая паруса, и поджигая друг друга. Некоторые попытались продолжить атаку, но попали под перекрёстный огонь «Дерзкого» и «Нахального», чьи орудия буквально расстреливали лёгкие суда в упор. Другие развернулись и бросились прочь, бросая якоря, оружие и раненых товарищей. Но попали под огонь «Борзого» и второго дивизиона канонерок. К 14 часам флот Брунейского Султаната, как и мечты султана о захвате Палавана прекратили свое существование.

19 июня 1902 года 16 часов 30 минут. Южно-Китайское море, северная оконечность острова Балабак, южный Палаван.

Вечерний зной стелился над Южно-Китайским морем тяжёлым, влажным покрывалом. Ким стоял на ходовом мостике миноносца «Борзый», чувствуя под туфлями ровную, вибрирующую дрожь паровой машины.

Бой, начавшийся полчаса назад, шел по тому же сценарию, что и два предыдущих. И даже канонерки второго дивизиона уже вступили в бой.

Впереди, за пеленой угольной гари и морского тумана, вырисовывался силуэт вооружённого парохода «Белая орхидея». Его мачты, увешанные сигнальными флагами белого раджи, казались лесом, а массивный корпус, окрашенный в белый и багровый цвета, рассекал волну с непоколебимой тяжестью. Флагман флота Саравака уже пытался сбежать.

«Борзый» отвечал на малейший поворот штурвала мгновенно, его лёгкий стальной корпус, вытянутый как стрела, резал воду, оставляя за кормой лишь узкий белый гребень. Он летел под парами, на перехват беглеца полагаясь на свою скорость. Орудия «Орхидеи», стоящие на верхней палубе и в кормовых спонсонах, были развёрнуты в сторону канонерок Палавана. Команда парохода не ждал удара с тыла. Ким передал сигнал в машинное отделение, и машины взвыли, толкая миноносец вперёд. Вода вздыбилась у форштевня, солёная пыль окатила лицо, но мичман не отводил глаз от прицельной марки на корме противника. Дистанция сокращалась с каждой секундой. Три кабельтова. Два. Один.

Свисток прозвучал сквозь рёв пара и ветра. Лейтенант Глебов уже стоял у правого борта, где abordажная команда выстроилась в две шеренги. Матросы в промасленных робах, с кинжалами на поясе, пистолетами и обрезанными ружьями в руках, замерли в ожидании. А пулеметки и поливали палубу «Орхидеи» огнем. Как и артиллеристы «Борзого» засыпали ее шрапнелью.

Ким приказал сбросить ход и круто взять вправо. «Борзый» вписался в дугу, скользя вдоль борта парохода. Звук столкновения был глухим, почти мягким — стальные борта лязгнули, деревянные планширы треснули. Кошки с шипами, брошенные Глебовым и его abordажниками, вгрызлись в такелаж «Орхидеи», натянулись и застыли, как набухшие вены. Маневры «Борзого» закончились. Енрик перелез через леер, чувствуя под пальцами грубую, нагретые солнцем метал и древесину вражеского корабля.

Воздух мгновенно загустел от пороховой гари, запаха смолы и крови. Глебов шёл впереди, его автомат описывал короткие, точные дуги, короткими очередями отбрасывая вражеских матросов в сторону люков и грот-мачты. Малайские и ибанские воины, облачённые в плетёные доспехи и длинные саронги, бросались на abordажников с криками, но их строй ломался под плотным огнём пистолетов, автоматов и обрезов. Ким двигался по правому борту, перешагивая через упавших, уворачиваясь от ударов волнистых ножей и тяжёлых дубинок. Непонятно как, но за ним образовалась группа его матросов с пистолетами и ножами. Палуба «Орхидеи» качалась под ногами, покрытая обрывками канатов, разбитыми ящиками с патронами, трупами и лужами тёмной жидкости. Воздух звенел от скрежета металла, треска разрываемого дерева.

выстрелов и тяжёлого дыхания бойцов. Ни одно слово не требовалось — только движение, удар, выстрел, шаг вперёд.

В центре палубы, у штурвала, возвышался адмирал Генри Лоусон. Сорок девять лет скитаний по морям отразились в его осанке: прямая спина, широкие плечи, лицо, обрамлённое седой, аккуратно подстриженной бородой, в белом кителе с золотыми аксельбантами, теперь испачканном сажей и кровью. Он держал в руке револьвер и командовал остатками охраны, указывая клинком в нашу сторону. Ким увидел, как его взгляд скользнул по палубе, отмечая гибель офицеров, и остановился на нем. Он шагнул вперёд, замахиваясь, но Ким оказался быстрее. В этом противостоянии победила молодость. Или пистолет? Выстрел прозвучал сухо, почти буднично. Пуля вошла адмиралу в грудь, чуть ниже ключицы, разорвав ткань кителя и отбросив тело назад. Клинок выпал из ослабевших пальцев, звякнув о палубные доски. Адмирал упал на спину, глаза широко раскрылись, потом медленно сомкнулись. Кровь растекалась по светлым доскам, смешиваясь с морской водой и машинным маслом.

Ким опустил ствол, чувствуя, как пульс в висках постепенно замедляется. Вокруг бой затихал. Глебов, прикрываясь щитом из бамбука, уже вешал на грот-мачту флаг Палавана. Остатки команды «Орхидеи» бросали оружие и поднимали руки, их лица были бледны от шока, страха и усталости. Он обошёл трофей, проверяя переборки, отсеки, машинное отделение.

Затем он проверил свой миноносец. «Борзый» стоял у борта целым и невредимым — ни одной пробоины, ни царапины на обшивке, лишь лёгкая копоть на мостике да обгоревший конец висящего каната. Паровая машина ровно гудела, манометры показывали норму, торпедные аппараты оставались закрытыми и сухими. «Борзый» не потерял ни одного человека, лишь несколько получили лёгкие порезы и ушибы. Пароход был взят. Ким снова поднялся на корму, где ветер уже трепал флаг королевства Палаван.

Бой завершился. Флот врага уничтожен.

Море вокруг успокаивалось, унося обломки, следы боя и кровь. Он смотрел на горизонт, чувствуя тяжесть пистолета в руке и странную пустоту после схватки. Победа досталась почти без потерь. Но это плоды постоянных тренировок.

Глава 7

20 июня 1902 года 20 часов 00 минут. Южно-Китайское море, остров Кадлао, 4 мили северо-западнее Эль Нидо, скверный Палаван.

Небольшой, семь километров в длину и полтора километра в ширину остров Кадлао стал наблюдательным пунктом экипажа «Борзого». Британская эскадра, которую они ждали наконец прибыла.

Еще вчера «Борзый» неплохо сражался с пиратами, а сегодня, пополнив уголь и боеприпасы, спрятался за островком.

Приказ Иванова был однозначный.

— Скрытно наблюдать за британской эскадрой, при попытке промера глубин или попытке высадки — помешать. — приказал он. — Но главное скрытность. Не обнаруживать себя до последнего момента. Выяснить построение британской эскадры на якорной стоянке.

И вот недавно прибыв с южного Палавана, «Борзый» спрятался за островом Кадлао. А экипаж миноносца организовал импровизированный наблюдательный пункт.

Ким Енрик лежал неподвижно, вжимаясь в густую поросль джунглей острова Каддао. Пот струился по его лицу, заходящее солнце в тропиках такое же беспощадное, но он старался не шевелиться. Перед ним, в нескольких милях от берега, величественно застыла британская эскадра, вставшая на якорную стоянку в тихой бухте в четырех с половиной милях северо-западнее Эль Нидо.

Остров, покрытый густыми зарослями тропических деревьев и лиан, надёжно скрывал наблюдателей. Пальмы, папоротники и цветущие кустарники создавали плотную завесу, сквозь которую Енрик мог незаметно следить за британцами. Воздух был густым и влажным, наполненным ароматами экзотических цветов и запахом соли. Где-то вдалеке кричали попугаи, а в листве шуршали неведомые существа, но мичман не обращал на это внимания — всё его внимание было приковано к эскадре.

В первой линии ближе к берегу, на левом фланге эскадры, бортом к острову Кадлао возвышался броненосец HMS «Альбион». Его массивный корпус, окрашенный в тёмно-серый цвет, казался неприступной крепостью. Высокие мачты и мощные орудийные башни внушали уважение — этот корабль был настоящей плавающей цитаделью, способной выдержать огонь и нанести сокрушительный ответный удар.

Там же в первой линии удаляясь от «Альбиона» и перегораживая вход из бухты расположились броненосные крейсера «Кресси» и далее «Сатледж». Их силуэты были чуть менее массивными, чем у броненосца, но не менее грозными. Длинные корпуса, высокие борта и многочисленные орудийные порты говорили о том, что эти корабли созданы не только для дальних походов, но и для решительного эскадренного боя в линии. Они стояли на якоре, слегка покачиваясь на лёгкой волне, словно хищники, замершие перед прыжком.

Во второй линии чуть дальше в море, выстроились бронепалубные крейсера. Бортом к острову Кадлао, расположился «Харибда», выделявшийся изящными обводами корпуса и стройными мачтами. Его броневая палуба и умеренное вооружение делали его идеальным для разведки и сопровождения. Рядом с ним находился крейсер «Минерва» — корабль, созданный для дальних патрулей и демонстрации флага в отдалённых уголках империи. Его силуэт был чуть более компактным, но не менее элегантным.

Правофланговым второй линии стоял «Фаэтон», модернизированный в 1883 году. Несмотря на возраст, он сохранял внушительный вид: высокие трубы, старые, но надёжные орудия и следы недавней покраски на корпусе. Он выглядел ветераном, который, несмотря на годы, всё ещё готов к службе.

Чуть в стороне от основных сил и выдвинутый вперед первой линии ближе к берегу держался эсминец «Альбатрос». Его стройный корпус и низкий силуэт резко контрастировали с массивными крейсерами. Этот корабль, быстрый и манёвренный, явно выполнял роль охранника — его задача состояла в том, чтобы пресекать любые попытки приблизиться к эскадре незамеченными со стороны берега.

В третьей линии, позади боевых кораблей, словно стая рыб под атакой дельфинов, расположились двенадцать транспортов с десантом и припасами. Их невзрачные силуэты, лишённые брони и тяжёлого вооружения, были жизненно важны для успеха любой высадки. Они несли солдат, продовольствие, боеприпасы и всё необходимое для того, чтобы закрепиться на острове.

Завершал картину, стоящий среди транспортов, корвет «Кронфлевер» (прозванный «Васильком»), построенный в конце XIX века. Небольшое, но прочное судно, идеально подходящее для патрулирования и связи. Его присутствие говорило о том, что британцы готовятся к длительной операции и этот корвет будет связным между эскадрой и Гонконгом.

Ким Енрик внимательно изучал расположение кораблей, запоминая каждую деталь. В голове уже складывалась картина: британцы пока не готовились к высадке. Возможно, завтра они начнут промеры и разведку. Он отмечал расстояние между судами, направление их бортов, положение якорных цепей.

Три линии, размышлял Ким, бортами на остров Кадлао. Если я атакую с севера. Транспорты стоят плотно. Сначала атакую крайний транспорт «Темза». От северной оконечности Кадлао — пять кабельтовых одна минута хода до пуска торпеды по транспорту. Одна торпеда.

Больше нельзя. Надо повредить как можно больше кораблей. Поврежденные корабли плохо воюют.

Вторая линия четыре с половиной кабельтова. Тоже минута до пуска торпеды по «Харибде». Британцы уже среагируют. Дежурные расчеты открывают огонь.

Первая линия. четыре с половиной кабельтова. Тоже минута до пуска торпеды по «Альбиону». Британцы уже стреляют во всю и не только дежурные расчеты.

Пять кабельтовых до островка. Минута и я спрятался за островком.

Переждать. Пропасть из видимости наблюдателей. Спрятаться. А дальше? Что дальше? Торпед нет. С моими хлопушками против броненосцев?

— Енрик, о чем репу морщишь? — поинтересовался Глебов увидев озадаченную физиономию командира.

Ким обрисовал «Киндеру» план атаки.

— А я? — обиженная физиономия Глебова казалось готова расплакаться. — Вот как ты, командир, о подчиненных думаешь.

— Что не так? — удивился Ким.

— А что я и абордажники делать будем? Спрячешься за островком минут на пять. Потом вон смотри «Альбатрос» в стороне х..ем груши околачивает. Так и напрашивается падла на абордаж. Полторы мили до него примерно. Три с половиной минуты ходу. Если увидят дадим дымы.

Про абордаж Ким понял сразу. Про х..й он узнал в первый день обучения. Про его наличие у миноносца знал, так как по мнению русских, данный орган есть у всего, даже не одушевленного. Даже что такое груши знал. Но как х..ем груши околачивать? Этож сколько на дерево прыгать придется мудями тряся. Да, тяжел русский язык...

20 июня 1902 года 21 часов 00 минут. Южно-Китайское море, остров Кадлао, 4 мили северо-западнее Эль Нидо, скверный Палаван, каюта флагмана HMS «Альбион».

Дубовая дверь с латунной ручкой глухо щёлкнула, отрезая от салона душный тропический ветер и ровный гул паровых машин. На полированном столе из красного дерева лежали карты, которые Адмиралтейство ещё вчера считало «непригодными для навигации», а командование эскадры и сейчас так считает. Но что выдали, что выдали.

Контр-адмирал Гарри Гренфелл, заместитель командующего Китайской станцией, водил пальцем по штрихованной линии побережья. Чернильная помета гласила: «Unsurveyed. Reefs, karst cliffs, tidal uncertainty.» (Не исследовано. Рифы, карстовые скалы, неустойчивость течения).

— Нет промеров ближе мили от берега, Мартин, — произнёс Гренфелл, не поднимая глаз. — Коралловые гряды, известняковые стены и прибой, который разобьёт баркасы о камни, как спички. Они что, считают нас авантюристами, или самоубийцами. Гонконг ждёт, от нас успеха. А я смотрю на этот берег и вижу туман, в который мы ведём несколько тысяч человек.

Капитан 1-го ранга Мартин Джеррам, флаг-капитан и командир «Альбиона», поправил прическу. Его взгляд был прикован к таблице приливов и барометрическим записям за последнюю неделю.

— Муссон уже на подходе, сэр. Юго-западный ветер усилится к пятнице, а сегодня уже прошла среда. Если мы не спустим людей на берег в течение двадцати четырех часов, нам придётся воевать не с Палаваном, а с морем, ветром и дождём. К тому же, шлюпки не выдержат качки, прервут высадку, и в то же время прервут снабжение высадившихся.

Гренфелл кивнул и постучал карандашом по сводке сил:

— Королевская морская пехота, сводный батальон — тысяча. Морская бригада с кораблей эскадры — ещё тысяча.

Пять тысяч регулярных: два китайских батальона из Гонконга, по одному из Вейхавей и Сингапура, плюс индийский пехотный батальон.

Две тысячи добровольцев: европейцы, евразийцы, местные. В сумме девять тысяч.

Мы высаживаемся не в Дувре. Мы бросим их пробиться через прибой и рифы, подныться по карстовым склонам и удерживать плацдарм без дорог, без причала и без нормальной разведки. И где-то тут в этих водах могут быть мины. Минные банки тоже надо найти.

Джеррам развернул тактическую схему, начерченную мелом на чёрном планшете:

— Схема высадки волнами будет следующая. Первая: морские пехотинцы и морская бригада. Тридцать высадочных средств на рейс: паровые катера, баркасы, вельботы. Их задача — занять две относительно пологие бухты южнее Эль-Нидо, установить пулемёты Максима и обеспечить коридор для тяжёлых грузов. Вторая волна: британские и индийские батальоны. Тяжёлые 12-фунтовые (120-мм) и легкие 3-фунтовые (76,2-мм) полевые орудия, с транспорта «Темза», плюс 70-мм горные пушки из Гонконга. Третья волна: добровольцы. Резерв, тыловое обеспечение, носильщики, строители временного моста через мангровые протоки.

— Артиллерийская поддержка? — уточнил Гренфелл.

— «Альбион», «Кресси» и «Сатледж». поддержат с внешней якорной стоянки. Без промера глубин и разведки минных постановок подводить их ближе к берегу нельзя.

Крейсера. «Харибда», «Минерва» и «Фаэтон», возьмут на себя плотный огонь по берегу, медленно, после промера глубин и минной разведки приближаясь к берегу.

«Альбатрос» и «Кронфлевер» пойдут вперёд: малая осадка, гидрографы, сигнальные средства. Если глубины позволят, к полудню у нас будет узкий, но рабочий проход. Если нет — смещаемся в залив Бакуит, пережидаем шторм и рискуем долгим маршем через джунгли.

Гренфелл налил из серебряной фляжки немного виски, предложил налить Джерраму. Тот отказался. Адмирал сделал глоток и тихо сказал:

— Испанские лощи — сплошные фантазии. Американцы разместили здесь гарнизоны ещё в девяносто восьмом, но промерить глубины так и не удосужились. Местные племена... мы не знаем, станут ли они сотрудничать, уйдут вглубь острова или встретят нас огнём.

— Тогда мы проведем разведку сами, — ответил Джеррам. — На рассвете «Альбатрос» уходит с десятком матросов, двумя топографами, гидрографом и сигнальщиком. Прощупают рифы, выставят буи, передадут пеленги. Если берег чист, мы идём по плану. Если обнаружим укрепления или минные заграждения — меняем сектор на три мили южнее. У нас есть преимущество: противник, не имеет своего флота и не знает силу британского флота. Мы должны вбить здесь свой флаг до конца месяца, иначе американцы вернутся и баланс сил в Южно-Китайском море изменится навсегда.

Гренфелл кивнул. Перо скрипнуло по бланку приказа.

— Операция «Эль-Нидо». Час «Ч»: 04:30, 18 июля. Волны с интервалом в час и сорок минут. Навигационное окно — приливная волна, высота воды максимальная. При наличии укреплений артиллерия открывает огонь за двадцать минут до высадки. Десант идёт под прикрытием артиллерийского огня. Шлюпки возвращаются только после разгрузки. Никакой самостоятельности. Добровольцев держим в резерве до полного закрепления второй линии. Это неуправляемое стадо разбредется по всему острову, если посадить их первыми

Джеррам вытянулся, козырнул.

— Приказ понятен, сэр. Корабли будут приведены в боевую готовность. Котлы разведаны. Шлюпки проверены, лебёдки смазаны, медикаменты уложены. Люди знают, что берег не разведан. Но они верят в адмирала.

— Вера — хорошая опора, — ответил Гренфелл, закрывая папку с сургучной печатью Адмиралтейства. — Но выживет тот, кто помнит о кораллах, приливе и дожде. Мартин, если мы ошибёмся с фарватером, «Альбион», «Кресси» и «Сатледж». не смогут подойти ближе, чем на четыре мили. Тогда десант останется без тяжёлой поддержки. Вы это понимаете?

— Понимаю. Поэтому если придётся, пойдём хоть на вёслах. Британский флаг на Палаване не будет ждать идеальных карт.

За бортом вздохнул ветер. Где-то в машинном отделении глухо ударил колокол, отбивая смену вахтенных. Сквозь иллюминаторы пробивался серо-зелёный свет тропического расвета. Берег оставался таинственным. Эскадра — пока была слепой.

Джеррам повернулся к выходу, но остановился.

— Сэр, а если Вашингтон потребует объяснений?

Контр-адмирал улыбнулся углами губ.

— Тогда мы скажем, что пришли навести порядок там, где их карты ещё не нарисованы. А история, как всегда, будет писаться теми, кто первым ступил на берег и смог его удержать.

Дверь закрылась. В коридоре уже звучали шаги боцманов и позвякивание сигнальных горнов. «Альбион» дал короткий гудок. Завтра Палаван услышит гул британских орудий, почувствует ярость и мощь, которых на его побережье ещё не было. А пока что на столе лежали только карты, чернила и тишина перед штурмом.

Десять часов вечера. По корабельному времени. Старший боцман поднял серебряную дудку к губам. Два коротких, один протяжный свисток разнёсся по переборкам: «Pipe down» («Угмонитесь» или «Отбой!»). Сегодня, из-за завершения похода на час позже. На палубах стихли оклики, замерли сапоги, оборвались разговоры. День уступил место ночи.

В жилом кубрике «Альбиона» началось привычное, отточенное годами движение. Матросы спускали гамаки из дневных сетей, расправляли плотную парусину, проверяли узлы на рым-болтах и деревянных балках. Гамаки вешали в три яруса, оставляя между ними едва достаточный просвет для прохода. Каждый дюйм пространства был отвоёван дисциплиной и привычкой. Воздух здесь был густым, тяжёлым: пахло немытыми телами, потом, каменным углём, машинным маслом, влажной шерстью, дёгтем и солёной сыростью. Тропическая жара не спадала даже ночью. Иллюминаторы приоткрыты, но муссонный зной стоял стеной. Лишь медные вентиляционные раструбы да тихое жужжание электрических вентиляторов тянули вверх нагретый и спертый воздух, создавая слабый, почти незаметный поток.

Керосиновые лампы в стеклянных колпаках отбрасывали тусклый, желтоватый свет. Матросы не спешили засыпать. Завтра — высадка. Берег не разведан. Карты кончаются у рифов. Джунгли молчат, а в молчании тропиков прячется всё: и змеи, и лихорадка, и пуля. Сегодня же — только подготовка. Кто-то писал письма домой: сажевым карандашом, на обрывках казённой бумаги, стараясь не пачкать пальцы сажей. Кто-то пересматривал пожелтевшие фотографии, вкладывая их между страницами личного молитвенника. Молодой кочегар из Ливерпуля перебирал чётки, шепча латынь, которую выучил от матери-ирландки. Старший матрос с «Кресси», переведённый сюда после шторма у Формозы, просто лежал с закрытыми глазами, слушая, как гудит паровая машина в нижних отсеках и как вода лижет стальной борт. Жизнь у всех своя, но и смерть у каждого своя. И завтра она может прийти.

Старшина прошёл вдоль рядов. Без крика. Без спешки. Проверял, как закреплены мешки с бельём, лежат ли ботинки под гамаком, как прибраны элементы одежды.

— Застегнуть пологи. Рюкзаки — в ноги. Вода до рассвета — по полкружки. В четыре — подъём. Гамаки в сети. Кто не готов — выброшу за борт.

Никто не усмехнулся. На «Альбионе» дисциплина жила не в окриках, а в молчаливой уверенности, что каждый знает своё место и свой долг. А ещё в том, что все знали — старшина выполнит обещание.

К половине десятого лампы погасли. Остался лишь тусклый свет аварийных фонарей у трапов да ровное, тяжёлое дыхание нескольких сотен мужчин. Корабль покачивался на лёгкой зыби. Паровые машины перешли на экономичный ход. Вахтенные на мостике курили в тени, прячась от офицеров, перешёптываясь о борделях, бабах и выпивке.

«Альбион» спал. Люди засыпали — быстро, глубоко, как только умеют те, кто знает, что завтра сон может стать роскошью. В темноте кто-то тихо начал напевать старую портовую балладу, но её прервали на втором куплете. Не приказом. Просто кто-то кашлянул, и голос растворился в шуме волн.

Завтра будет Эль-Нидо. А пока — только парусина, дерево, соль и дыхание корабля, стоящего в ночи у незнакомых берегов.

20 июня 1902 года 22 часа 00 минут. Южно-Китайское море, группа островов западнее остров Кадлао, район Эль Нидо, скверный Палаван, каюта вспомогательного крейсера «Африканец».

— Товарищи офицеры, — Иванов прошелся по каюте. — Уточняю план ночного боя против британцев.

Наглов хорошо научил Кима. Благодаря его науке, мичман не только составил план торпедной атаки, британской эскадры и якорной стоянке, но и провел ее хронометраж.

Итак. Ровно в 00 часов 00 минут «Борзый» начинает движение между островом Кадлао и британской эскадрой. Эскадра стоит левым бортом к острову и не ожидает атаки с этой стороны.

Начало движения и через минуту атака крайнего в третьей линии эскадры транспорта «Темза». Одна торпеда.

Еще минута — вторая линия пуск торпеды по «Харибде». Британцы уже среагируют. Дежурные расчеты открывают огонь.

Снова минута — пуск торпеды по «Альбиону». Британцы уже стреляют во всю и не только дежурные расчеты.

Еще минута и «Борзый» на пять минут спрятался за островком.

Итого 00 часов 04 минуты, или когда «Борзый» спрячется «Железные ласточки» Ли Вэньбо начинают стрельбу по квадрату. Ваша задача накрыть крайний левый в первой линии «Сатледж». Долбите по нему не менее пяти минут. Затем переносите огонь на «Фаэтон», крайний левый во второй линии. Корректировку огня обеспечит «Рубикон».

Одновременно с открытием огня «ласточками» флот выходит из-за островов и атакует транспорты. Обстреливать нас могут только «Сатледж» и «Фаэтон», но они под обстрелом, им не до нас. А от «Альбиона», если он уцелеет, «Кресси» и «Минервы» нас прикрывают транспорты. Ночной перекидной огонь у британцев вряд ли получится.

Дальше, в 00 часов 09 минут «Борзый» делает рывок от островка и сваливается с «Альбатросом». Задача — взять на абордаж. Если что, они сами предложили. Их прикрывают «Железные ласточки» обстреливающие крайние корабли первой и второй линии.

И в 00 часов 10 минут из бухты Бакуит выходит «Годзилла» и гвоздит из своих обрубков по тем, кто ближе. По принципу «Кто не спрятался, я не виноват».

Если вопросов нет. По местам.

Глава 8

20 июня 1902 года 23 часа 55 минут. Южно-Китайское море, остров Кадлао, 4 мили северо-западнее Эль-Нидо, скверный Палаван.

Скоро полночь. Стрелки часов разделят ночь на до и после атаки. Время еще не побужало. Оно остановилось. Вернее, пошло иначе: густое, вязкое, словно остывающая смола, в которой каждая секунда застревала, растягивалась, превращаясь в отдельную, почти физиче-

скую единицу. До начала атаки оставалось целых пять минут. Триста секунд. Каждая из них тянулась дольше, чем все предыдущие вечер и ночь вместе взятые.

Время резина. Экипаж замер на своих местах. «Борзый» вибрирует, словно дрожит от нетерпения. Еще немного...

Наконец стрелки сошлись...

— Полный вперед! — командует Ким.

«Борзый» срывается с места.

Минута. Целая минута до пуска торпеды. Впереди, в чёрной воде, зеленым, в свете ночника, параллелепипедом вырисовывался силуэт британского транспорта. Без ходовых огней. Только вахтенные замерли у лееров, куря в рукава. Англичане спят, не подозревая, что в нескольких кабельтовых от них смертоносная сталь уже направлена в их корабль. Ким почти не волновался, он замер. Он знал только курс, скорость, угол встречи. И знал, что до выстрела — тридцать секунд. Больше, чем жизнь. Меньше, чем вздох, когда ждешь неизбежного.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.